

КОЛДОВСКИЕ

МИРЫ

ГАЛИНА
ГОНЧАРОВА

АЗЪ ЕСМЬ СѢФЬЯ

ГОСУДАРЫНЯ

Колдовские миры

Галина Гончарова

Азъ есмь Софья. Государыня

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гончарова Г. Д.

Азъ есмь Софья. Государыня / Г. Д. Гончарова — «Эксмо»,
2016 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-699-87292-3

Не успел царевич Алексей вернуться с победой из Польши, как надобно идти на Крым – пока турки присмирели, вразумлять татар, чтобы не разоряли южные рубежи, не уводили в полон православных. Огнем и мечом по Кафе, Бахчисараю, Керчи, во имя спокойствия и процветания русских земель на берегах Черного моря отныне и до веку. А Софья останется дома – расплетать нити заговоров, искать убийцу отца, подавлять бунт, дабы в опасный момент удержать в своих руках совсем не нужную ей власть. И пусть царевну бояться, ненавидят, проклинаят... Кто со злобой, а кто и с искренним уважением величает Софью государыней, для нее это – работа. Как строительство или бизнес когда-то давно... в будущем.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87292-3

© Гончарова Г. Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

1673 год	6
16 сентября 1685 года	18
Март 1673 года	31
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Галина Гончарова

Азь есмь Софья. Государыня

© Гончарова Г., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Ты не просил венца и не просил пощады,
Но получил ее – и власть над всей страной.
И выше нет тебя. Но ты один пред Богом
И платишь верой, счастьем и душой.
Корона – это крест. Жестокий, беспощадный,
Ты ей отдашь и кровь, и жизнь, семью и честь.
Всегда, всегда один. И, не прося пощады,
Не сложишь головы. Пусть бед твоих не счесть...
Пусть за спиной шипят. Тиран ты или гений,
Герой или изгой, властитель, лиходеи...
Судить уже другим. Потомкам делать выбор.
Ты – принимаешь бой. Один – за всех людей.*

1673 год

Сулейман посмотрел на небо.
Звезды мягко подмигивали ему с небосклона.
Велик Аллах в милости своей...

Дозволив Сулейману родиться сыном султана, Он не пожелал смерти ничтожного. Ребенок мог быть убит, как множество султанских сыновей с незапамятных времен, но старший брат, Мехмед, решил пощадить его жизнь. Хотя... можно ли назвать это жизнью, когда всю ее ты провел в одном и том же месте? И не он один. Здесь же живет его брат Ахмед. Все они – братья великого султана, только от разных женщин.

* * *

Жить, не выходя за ворота дворца, не видя ничего, кроме одних и тех же стен, не имея даже детей...

Нет, наложницы-то у него были, но все они были бесплодны. Специально подбирались. Что ж, значит – это судьба.

И все же... какое-то смутное беспокойство грызло Сулеймана с тех пор, как старший брат ушел в поход на поляков. Словно за плечом стояла смутная темная тень и шептала что-то искушающим голосом...

Тьфу, шайтан!

Не стоит бодрствовать в предрассветный час. Слишком темные мысли приходят в голову в это время. Разве это справедливо, что рожденный чуть раньше становится султаном, а чуть позже – никем? Он жив только волей Аллаха. Ну и еще немного – брата. Но когда Мехмеду это надоест?

А верить в его доброту не получается.

Особенно сейчас, когда он вернулся из похода с неудачей – и ходит, словно грозовая туча. Темный и страшный...

Сулеймана передернуло, словно им опять было по пять-шесть лет, когда старший брат крепко поколотил его за сломанную игрушку. Побой и омерзительное чувство собственной беспомощности запомнились мальчику очень надолго...

А если Мехмед решит, что братья ему ни к чему?

Удачливый султан может позволить себе соперников, такого не свергнут. Неудачливый же...

Как правило, он не может позволить себе даже жизнь.

И, словно отвечая темным мыслям, за дверями послышался шум.

Сулейман вздрогнул, всем телом повернулся туда... Но сделать ничего не успел.

В комнату влетел растрепанный ошалевший евнух.

– Мой повелитель!

– Что случилось?

– Мой повелитель! Бунт!!!

– ЧТО?!

А вот то.

Мехмед действительно вернулся из похода «на щите». И то, что физически он не умер, значило мало. Он потерпел поражение. Он был вынужден возвращаться домой во главе разбитого войска – и этого янычары ему не простили. И не было рядом Фазыл Ахмеда. Не было...

Некому было заметить напряжение в войске, некому подсказать – и конец оказался закономерным. Янычары подняли бунт – и результатом его стало падение султана раз...цать на собственную саблю.

Что ж.

Не первый и не последний случай в империи.

На освободившийся трон уселся султан Сулейман. По номеру – второй. И – увы! – далеко не Великолепный. Не Сулейман Кануни. Вовсе даже нет.

Но и ему требовалось доказать свое право – делами. Походами, сражениями...

Европу ждали новые потрясения. И не только Европе.

* * *

Милостью Божьей император Священной Римской Империи Леопольд Первый читал письмо. И оно откровенно радовало – свежие вести с поля битвы всегда радуют.

Тем более – такие.

Османам нанесено серьезное поражение у поляков. Русский царевич Алексей – имена ж у этих варваров! – разбил их войска под Каменцом. Это просто отлично. А вот что с этим делать?

Ну, для начала написать Вишневецкому. Узнать точнее, что и как, ну и прощупать почву на предмет союза. Османы сильно обгадились, теперь они начнут искать, где бы отыграться. И в Польшу они не пойдут – добычи мало, а у волка зубы острые.

Они пойдут на Европу. А вот куда?

Леопольду очень не хотелось вступать в новую войну, намного лучше будет, ежели...

И опять же, насолить Франции...

С Людовиком у него была откровенная неприязнь, чего уж там.

Крит.

Некогда венецианский остров, ставший пару лет назад турецким. Хотя кое-какие порты и укрепления у венецианских дождей на нем остались. Вот если им подкинуть денег и войск, негласно, конечно, да поднять там бунт...

Что мы получим в этом случае?

Турки ринутся на Венецию. Не затопчут, так попинают, что уже неплохо. Священная Римская Империя останется в стороне, а вот Людовик наверняка поможет венецианцам, хотя и скрытно. Ему слишком сильные мусульмане ни к чему, хоть он с ними и дружит. И на это время он оставит в покое Нидерланды, которым может помочь уже Леопольд. Не просто так, конечно, в обмен на некоторые преференции с их стороны... И опять же исподтишка насолить Людовику.

Леопольд подумал и направился составлять письмо Михайле Корибуту.

Осторожно, полунамеками... впрочем, поляку хватило. И пришедший ответ Леопольд прочитал с не меньшим удовольствием.

Точно такое же. Тонкими намеками, которые остались бы неясны, попади письмо не в те руки, его величество Михаил Корибут Вишневецкий сообщал, что Русь этой весной собирается сильно... э-э-э... вызвать недовольство османов. Так что ежели их внимание сначала отвлекут, то потом, когда османы обратят свой гнев на Русь, им можно будет ударить в спину и вырвать себе вкусные кусочки.

Надо сказать, что Леопольд был сторонником мира, но для своей страны. А уж коли пришлось жить в такое непростое время...

Ну так пусть за его страну воюют другие!

Турки, русские... лишь бы не он!

Говорите, Крит?

Что ж, мы им немножко, да поможем...

Тем более, там сейчас все как сухое полено. Только искре проскочить – и вспыхнет. Грех не попользоваться. Решено. Пишем Джованни Пезаро.

* * *

– Соня, плясать будешь?

Софья поглядела на брата такими глазами, что Алексей устыдился. Плясать... Да у сестренки уже не круги под глазами, а глаза над кругами. И что больше – сказать сложно.

А что делать? К походу просто так не подготовишься, а ведь вся техническая часть на Сонечке.

И не только это.

Динамит готовить надо? Со взрывателями?

Еще как надо! Но Софья держит все под строгим контролем.

Пушки нужны? С нарезными стволами? Казнозарядные пищали нужны?

И побольше, побольше! Хорошо хоть там сейчас Ордин-Нащокин надрывается. Воин Афанасьевич и днюет, и ночует в кузнечных мастерских, но и там пригляд нужен.

Царевичева школа...

Там Алексей все взял на себя – и тут же осознал, что это – кошмар! Чего только одно снабжение стоит? А еще куча писем, которые приходят от выпускников со всех сторон и концов Руси. Софья их как-то систематизирует, составляет *картотеку*, записывает все и раскладывает по каким-то особым признакам. Но ведь даже прочитать все письма – и то! Сколько времени надобно!

Тетка Ирина!

Тоже головная боль есть.

С приютом она справляется на совесть, но где же без бед? То драки, то склоки, то религиозные скандалы... вот намеренно опять писала на священника жалобу. А как быть?

Люди из татарского полона возвращаются, к ним подход особенный надобен. А этот ретивый дуралей взял да заявил одной девице, что грешница она, мол, и блудница. И гореть ей адовым пламенем, покамест она вот эти условия не выполнит...

Девчонка мало в петлю не полезла. А царевну Ирину, разъяренную не на шутку, едва успели остановить. А то ей-ей, вбила бы в умника немного соображения, чем под руку подвернулось. А это ведь вовсе не к лицу царевне! Да и где видано, чтобы царевна попа по церкви поленом гоняла?

Повезло, что сильного скандала не случилось. Но попенка пришлось быстро оттуда отсылать. И с патриархом говорить всерьез.

Да, люди возвращаются на родину. Да, духовное утешение и помощь им как никогда нужны! Но думать же надо, кого туда посылать! Не взгальных балбесов, а утешителей! *Целителей души*, как выражалась сама Софья.

А вот и из Царицына грамотки. Куча всего... записи, расчеты...

И тоже надобно Софье смотреть. Потому как без нее это строиться не сможет. Каналы... Откуда только сестренка о таком знает? Впрочем, это уже вопрос философский. Все равно ничего не скажет. Но делать-то надобно! Так что пришлось выписывать инженеров в Нидерландах, у Вильгельма. Опять-таки по просьбе Софьи. Якобы там они самые лучшие.

Ладно...

А есть и еще небольшая кучка всяких дел. Торговля, Строгановы, Урал...

Как Софья умудрялась все помнить – Алексей просто не понимал. Вообще.

– Что там?

– Племянник у нас.

– Марфа?

– Жива-здорова, довольна по уши...

– Как племянника назвали?

– Собираются покрестить Георгием, в честь Победоносца. Ну и опять же турок разбили...

– Это они разбили. У нас проблем с ними еще будет...

Софья прикрыла глаза ладонями, посидела так несколько секунд. Георгий... как же это по-польски? Кажется, так же, как и на русском. Или нет? Уже ничего голова не соображает.

– Лешенька, как же я рада. Хоть где-то хорошо...

Брат вздохнул, обошел стол и решительно обнял сестру за плечи.

– Так, пошли отсюда.

– Куда?

– Погуляем немного. А то ты уже вся зеленая.

– Неправда. Уши розовые.

– И немые.

Царевич едва увернулся от меткого пинка, которым собралась его наградить разозленная сестра, и понесся по коридору.

– А вот и не догонишь! А вот и не догонишь!

– погоди у меня! – Софья подхватила юбки и пустилась в погоню, забыв о том, что она – царевна и так носиться ей не подобает. И вообще... Сначала братцу по ушам – а потом разберемся! Вот!

За поворотом Алексей притормозил и ловко поймал сестренку. Придержал так, чтобы Соня до него не дотянулась.

– Развеешься? Или еще погонять?

– Зар-раза!

– Два уха, два глаза... Завидно? Я-то свои мою!

Софья фыркнула, понимая, что брат валяет дурака, чтобы хоть немного ее отвлечь. Но ведь и она не каменная! Детское тело брало свое! Ей бы в куклы играть, а она вот... Да, такой диссонанс. Разум взрослого человека в теле ребенка. И иногда она дурачилась, смеялась и плакала по-детски, безоглядно. Забывая про все.

Надо. Иначе сойдешь с ума.

На дворе стояла середина марта – скоро Алеше выступать в поход.

– Я с ума сойду, пока тебя опять не будет!

– А не нас?

Алексей хитро прищурился. Со стороны виднее – и в том числе заметно, какими глазами смотрит на его сестренку Ваня Морозов. И одергивать его совсем не хочется. Он... правильный. Да и Софье... не век же в девках вековать? Это разбазаривание ценного ресурса, вот! Опять же он точно знает, что друзья его не предадут, а значит – поженить их, и точка.

– Вас. Обоих, – хмуро отозвалась не заметившая ловушки Софья.

– Ты, главное, со снабжением разбирайся...

– Сам же знаешь – все сделаю.

Софья смотрела прямо в глаза брату, для чего ей приходилось чуть задирать голову. Хоть и было ей уже шестнадцать – Алешка ее чуть не на две головы перерос. Эх, где тот мальчишка, с которым они в тавлеи играли? Хоть еще и поигрывают они иногда, а все не по-прежнему. Уже мужчина. Не волчонок, но волк. Пусть пока и не осознающий остроты своих клыков.

– Верю. Я никому так не верю, как тебе, сестренка.

Софья молчала. А что тут скажешь? Доверие оправдаю? Это и так понятно.

В воздухе пахло морозом. Ну да, пришел марток – наденешь семь порток.

– Государь. Там у ворот... вот!

– Благодарю.

Алексей привычно кивнул казаку, принесшему грамотку, развернул свиток.

– Сонь, в школу астронома нашли.

– Вот как?

– Правда, он себя астрологом называет... некто Сильвестр Медведев.

Софья потеряла лоб.

Сильвестр. Медведев. А, ну да!

– Он же пытался к нам пролезть! Только пришлось вежливо выпнуть!

– Почему?

– А им тетка Татьяна чуть не увлеклась.

– Но сейчас-то можно его вернуть?

Софья задумалась. В принципе... Можно, чего ж нельзя – сейчас Татьяне ни до кого, кроме ее любимого Степана, а уж монах по-любому казаку проиграет. Удаль не та.

– Если он грамотный и знающий – так почему бы и нет?

– Вроде как знающий. Посмотришь?

– А куда ж я денусь? Давай, как обычно!

Брат и сестра переглянулись. Прошли те времена, когда Софья сидела под столом у брата. Прошли... сейчас она там банально не помещалась. А потому для царевны была сделана специальная ширма в кабинете у брата – кто не знал, так и не догадывались, что там ширма, а не стена чуть вперед выдвинулась. За ней девушка и обреталась, по мере надобности подсказывая брату.

Хотя Алексей и без подсказок отлично справлялся. Умница...

* * *

Поль смотрел на парнишку, стоящего перед ним. Чистый выговор, улыбка, серьезные глаза... Весь Азов знал, что такое царевичевы воспитанники. И даже чуть опасался их.

– Значит, хотите что-то на моем корабле везти?

– Хотим. И надобно будет отвести под это две каюты.

– А что это – знать мне не надобно?

– Многие знания – многие горести. – Выговор юнца был безупречен, ей-ей, не видя собеседника, Поль подумал бы, что перед ним соотечественник из провинции Коньяк, но и только-то.

– А чем это может грозить моему кораблю?

Парень задумался на миг.

– Пожалуй, что ничем. Это не принесет вреда судну. Но груз надобно будет доставить в целости и сохранности.

– Чем плох трюм?

– Крысами и сыростью.

В точку. Что было – то было.

– Я обязан подчиняться князю Ромодановскому.

– Но ведь лучше, когда человек понимает свою выгоду? – Мальчишка глядел лукаво. – А ежели все будет исполнено хорошо – я обещаю обо всем рассказать царевичу. Полагаю, что его личная благодарность...

– Как же...

Мальчишка усмехнулся:

– Мсье Поль, принцы на Руси и принцы в прекрасной Франции – весьма разные. Когда вы познакомитесь с царевичем, вы сами поймете.

– Когда я... что?

– Государь обязательно прибудет в Азов. И пожелает проверить, как все готово для перевозки груза. А потому – мне не хотелось бы его разочаровать.

А уж как Полю не хотелось!

Корабль предстояло вычистить от мачт до трюма, отмыть, переоборудовать пару кают...

– Когда это будет?

– Полагаю, что достаточно скоро. Через месяц, возможно, два. Как только степь станет проходимой, к нам пожалуют гости.

– М-да...

– Мсье Поль, я не буду лезть вам под руку. Но мне хотелось бы помочь.

Бывший боцман тяжело вздохнул. Да, этот юнец не лез нагло. Но непреклонности в его голосе хватило бы на десяток крепостных таранов.

– Что ж, пойдем... помощник. Зовут-то тебя как?

– Петр. По-вашему – Пьер, наверное.

Петька, а это был именно он, улыбнулся уголками губ. Ни к чему давить, приказывать, ругаться, показывать свое превосходство. Вежливость и только вежливость.

Поль Мелье и сам отлично справится, недаром же Ромодановский его хвалит: и корабль у него вычищен, и команда сработалась, да и вообще – ему б не боцманом быть – капитаном. По уму и знаниям достоин, просто для Франции дворянством не вышел. Ну да на Руси оно куда как лучше обстоит. Царевич – по уму судит, не по чинам да званиям.

А он, Петька, просто подскажет, как надо перевозить взрывчатку. И ни к чему Полю знать, *что* перевозят на его корабле. Вовсе даже ни к чему. Он уедет, а им на Руси жить...

Долго, конечно, шила им в мешке не потаить, но чем позже соседи о тайном оружии узнают, тем лучше для русских.

Но и до конца таить не удастся.

Им идти на Керчь, им драться с турками, пусть и одряхлевшими, но все равно зубастыми...

Что-то ждет «тройных коньков» впереди?

* * *

Селим-Гирей смотрел на своего брата Сулеймана.

– Значит, у нас теперь новый султан.

– Да, брат.

Поправлять калгу Селим не стал.

– Значит, весной нас ждет поход... куда?

– Сейчас взбунтовался Крит. И султан хочет окончательно бросить на колени венецианцев.

– Можем ли мы это себе позволить?

Селим-Гирей знал ответ, но ему хотелось послушать и брата. И услышал он отражение своих мыслей.

Степь стонет. Русские захватили Азов и рассылают отряды во все стороны. Освобождают рабов, вырезают селения, уводят в плен татар...

Это обязательно надо прекращать! Или хотя бы осадить Азов. Чтобы русичи оттуда не выбрались!

Селим-Гирей понимал это. Только вот объяснить султану не смог бы...

Не прийти по его приказу?

Это самоубийство.

Пойти на Крит за султаном? Но тогда у него будут внутренние проблемы.

Селим-Гирей вздохнул – и решил:

– Отпиши султану. Мы придем, как только разобьем русских свиней, засевших в его крепости. Или пусть пришлет подмогу.

Хан понимал, что султан может прогневаться. Но... разве у него был выбор? Врага нельзя оставлять за спиной.

А *умного* врага вообще нельзя оставлять в живых.

* * *

– Ванечка, взрослый ты стал.

Ваня Морозов с улыбкой смотрел на маму. Взрослый, да. А вот матушка ему теперь совсем иной кажется. И искорки веселые в глазах посверкивают, и во вдовьем уборе кое-что новое появилось. Вроде бы и черный он, и строгий. А все ж есть возможность носить его красиво. Он знает, на девчонках в царевичевой школе еще и не то показывали.

– Правильно, матушка. А потому тебе бы еще одного ребенка завести. А лучше двух?

– Стара я уже, сынок.

– Да неужто и Матвей так думает?

Ваня смотрел подчеркнуто невинными глазами. Можно подумать, шило в мешке спрячешь! Да вся дворня знает! И он тоже знает и не осуждает. Отец уж сколько лет тому умер, да и до того лежал... матушке самой сильной стать пришлось, опереться не на кого было. А сейчас она себе чуть волю дала. И то – не по блуду. Просто полюбила.

Хотя Аввакум и ругается. Нечего, мол, втайне грешить! Жениться надобно!

Но покамест Феодосия тянула с этим решением.

– Сейчас не о том речь. – Матушка, хоть и пыталась казаться строгой, но предательский румянец сводил все впечатление на нет.

– А о чем, матушка?

– Жениться тебе пора.

Ваня внутренне подобрался. Да, чего-то подобного он и ждал. Но – не хотел. На всю Русь святую православную была только одна женщина, которую он хотел бы назвать своей женою.

Царевна Софья.

Только вот пока за него царевну не отдадут. И просить не стоит, только что в ссылке окажешься. А вот как матери об этом сказать?..

– Мам...

– Завтра же могу тебе десяток невест показать. И все счастливы с нами породниться будут.

– Я...

– Ты не хочешь. – Феодосия смотрела серьезно. – Ты, как и я. Я ведь твоего отца любила. Не потому за Матвея замуж не иду, что сладко в грехе жить. Боюсь я, что все между нами – мара, морок туманный. Проснуться боюсь, взглянуть – и разлюбить. Как тогда мужу в глаза смотреть буду?

Ваня взял ладонь матушки в свои руки.

– Мам... ты ведь счастлива. Ты изнутри светишься. Такое не погасишь...

– Боюсь я покамест. Да только и ты тоже светишься, сынок. Особливо как из Дьяково возвращаешься или едешь туда. Там она живет?

– Там, – таиться смысла не было.

– И кто ж она?

Ваня вздохнул. Мать не торопила, но смотрела так, что и без ответа ее оставить не получится. Понимала, что таиться он не станет – хватит. И то сказать – возраст. Других уж давно оженили... но и неволить сына?

Нет, так она не поступит. Даже если девочка из безродной семьи – все равно ее примет.

– Сонюшка.

– Ох...

Феодосия даже за сердце схватилась. Заболело вдруг. Никогда ничего такого не было, а тут словно иголкой острой кольнуло. Одна была в Дьяково Сонюшка, лишь одна. Остальных девушек Ваня мог и Софьями, и Соньками величать, а Софьюшкой или Сонюшкой – только одну.

Царевну Софью Алексеевну.

Да что греха таить – думала Феодосия и о таком повороте. Но...

– А она знает ли?

– Она меня как брата любит. – Синие глаза сына были грустными. – Ребенок она еще...

– Да уж шестнадцать ей минуло! Другие в таком возрасте детей на руках качают!

– Она – не другие. Она – единственная...

И столько тоски у него было в голосе, что Феодосия поняла – это все. Конец.

Ни на ком другом она сына не оженит.

Хотя... конец – не венец! Она и сама под венец шла не особенно смышленной... потом поумнела. Может быть, Софья сейчас и не догадывается о Ванежкиных чувствах. И такое может быть.

– А она кого еще любит?

– Нет, мам. Меня и Алексея. А других людей для нее словно бы и нету.

– Это уже лучше, чем ничего. А ты ей о своих чувствах говорил ли?

– Так ты не против?

Улыбка стала ему ответом. Против? Сынок, да для твоего счастья я землю с небом смешаю! Горы переверну, моря осушу... а тут всего лишь такое! Да, она царевна, да, пока жив Алексей Михайлович – ее за тебя не выдадут. Но потом-то?

Неужто Алексей Алексеевич, царем став, другу не поспособствует?

– Я хотел вернуться из Крыма и поговорить с ней.

Боярыня подумала немного:

– Может, оно и правильно. Не грусти, сынок, она тебя уже любит...

– Как брата.

– Остальных она и так не любит, сам сказал. А ежели любовь есть – она обязательно себя окажет.

– Не будешь никого иного мне сватать? – прищурился Ваня.

– Не буду. Ни к чему.

Феодосия была далеко не глупа. Если сейчас она примется активно женить сына – он ее врагом станет, не простит мечты разрушенной. А вот ежели она чуть подождет...

Коли Софья Ванечке от ворот поворот даст – тогда и женить его куда как легче будет. А коли согласится и любовью на любовь ответит – так лучшей невестки и пожелать нельзя. Умна, красива, царского рода... единственный недостаток у нее – тоща больно. Ну да хорошая повитуха с детьми поможет.

И мать ласково улыбнулась сыну, показывая без слов: – я довольна твоим выбором, мальчик мой.

* * *

Софья и не знала, какие грандиозные планы строятся в голове у боярыни. Она разглядывала мужчину, стоящего перед Алексеем, для чего в ширме давно были проделаны специальные отверстия.

Сильвестр ей нравился – по внешнему виду. За это время он не сильно изменился, разве что стал осанистее и приучился держать себя достойно.

Высокий, на вид лет тридцати, с отличной осанкой, маленьким животиком и ухоженной бородкой. Руки тоже ухоженные, волосы кудрявые, глаза темные, яркие, властные...

Звездочет...

Первое впечатление – неглуп, коварен, опасен.

Второе? Да то же самое. Тогда, несколько лет назад, его сюда направил Алексей Михайлович. Сейчас же с ним беседовал царевич. Наследник престола.

– Что ж. Рекомендации у тебя наилучшие. – Братец лениво цедил латинские слова.

Сильвестр поклонился – без особого раболепия, но уважительно:

– Государь, я счастлив, что вы соизволили обратить на меня свое благосклонное внимание.

Ишь ты...

Не государь царевич. Государь.

Прощупывает?

Алешка тоже обратил на это внимание.

– Мой отец – государь. Я – лишь царевич. Но я прощаю твою ошибку.

– Звезды говорят, что вы будете великим государем.

Брат с сестрой совершенно одинаково ухмыльнулись. Нет, ну до чего же все предсказуемо!

– Что дальше будет – одному Богу ведомо. А гадания – дело злое и Ему неугодное, – отбрил Алексей.

– Сие не гадание, государь! Сие есть точная наука!

– Да неужто? – прищурился Алексей. – Ну-ка, погляди сюда?

Звездные карты составляли все ученики школы. И читать по ним учились тоже, и звезды распознавать. А что? Дело полезное! На них же не только влюбленные смотрят, по ним еще ориентироваться можно.

– Что сие за звезда?

– Сие есть Венера, богиня любви, государь царевич.

Софья поставила себе галочку. Неглуп, два раза намекать не требуется. Только вот ум – он как нож. Можно хлебушек порезать, можно человека.

– А это?

– Сие созвездие Козерога, государь.

– Ага. А солнцестояние у нас когда?

Алексей немного погонял Сильвестра по курсу прикладной астрономии и кивнул. Можно брать. Софья тоже не возражала. Хотя девочкам она все равно поручит понаблюдать. А то и не просто...

Какова самая большая проблема любой школы?

Да кадры!

Найти учеников сейчас можно! Но ты найди для них учителя!

Пусть будет Сильвестр.

Честно говоря, Софья бы и Василия Голицына к делу приспособила, но Алексей был решительно против. Да и Ваня чего-то разозлился, особенно когда узнал, как вербовали умника.

Ничего, они в поход уйдут – там посмотрим.

Станные они, мужчины...

* * *

– Марыся, я должен уезжать через две недели. Ты готова?

Мария Луиза зло сверкнула глазами. После того как ее уличили в покушении на жизнь королевы, она жила в фамильном поместье Вишневецких. Муж приезжал к ней время от времени, но в остальном...

Тюрьма.

Роскошная, но тюрьма.

– Разумеется, я готова сменить одну тюрьму на другую.

– Ты зря так говоришь, родная.

Конечно, зря. Но это понимал Ян.

А Марысе, которая привыкла к роскоши, блеску, пышности, простые покои казались нищими и убогими. Ей-то хотелось... но не давалось. Разве это справедливо?!

Ян умен, силен, прекрасный полководец....

Он мог бы стать прекрасным королем!

А вместо этого – что?

Ничего.

На троне чем дальше, тем прочнее сидит Вишневецкий! Узурпатор и негодяй! А уж его русская девка...

Марыся невольно сжала руки в кулаки.

– Ян, неужели ты не понимаешь?! Меня просто убьют там!

– А что мешало это сделать здесь? – логично поинтересовался муж.

Марыся топнула ножкой.

– Здесь я дома у Вишневецкого! Шляхта не простит ему...

– Шляхта, родная моя, от него в восторге. Хоть он и не дает им много воли. Кстати – у него родился сын. Очаровательный крепкий мальчик. И королева здорова.

– Ты им тоже доволен?!

– Он хороший король. Лучше, чем мог бы быть я.

Марыся заскрежетала зубами, а Ян еще добил:

– Не стоит быть неблагодарной, дорогая.

– Я еще и неблагодарна?! Ян, все, что я делала, все ради тебя!

– Измена мне с королем Франции – тоже?

– Ложь!!!

Марыся негодовала, но все отчетливее понимала, что эта сплетня – ноги бы вырвать негодьям, которые ее пустили! – крепко проросла в сознании супруга.

Да, доказательств не было. И именно поэтому Марыся была еще жива. Но не было и прежнего доверия. Она бы все исправила. Она бы восстановила его, она бы вновь подчинила мужа, но... О, это гадкое «но»!

Она была практически бессильна именно потому, что жила безвылазно в замке Вишневецких. А муж был по уши занят подготовкой войска! И ведь старался не за страх, а за совесть! За ее помилование!

А потому и виделись они редко и мало!

И как в таких условиях мужу лапшу на уши вешать?!

Нереально!

Тут нужна медленная и тщательная обработка по методу турецких одалисок, а что может она? У нее нервы постоянно натянуты, она невольно ссорится с мужем, он приезжает еще реже... Она ведь не железная!

Ее тут могут просто отравить и сказать, что грибочки попались ядовитые или дичь несвежая!

Никаких сил не хватит!

– Надеюсь, что ложь.

– Ян. Неужели ты не понимаешь? Это все Михайло, он хочет разлучить нас с тобой...

– Зачем?

Правильным ответом было: «чтобы ты не стал королем». Но не говорить же такое мужу?

– Потому что ты единственный, кто может претендовать на престол! Ты имеешь даже больше прав, чем он! И если бы не эта его русская дрянь...

– Знаешь, Марыся, если бы кто тебя отравить вздумал – я бы убил негодяя.

Мария споткнулась на полуслове.

– Король простил тебя. А королева его просила о твоём помиловании. Так что не говори о ней плохо. Я не знаю другой настолько милосердной женщины.

Этого Марыся уже вынести не могла:

– Ну, так и убирайся к ней! Видеть тебя не хочу!! Негодай!!!

– У тебя две недели на сборы. Что ты выбираешь – ехать на Русь или оставаться здесь?

Ян вышел. Мария в гневе запустила в стену вазу. Потом еще одну. И подушку...

А потом рухнула на кровать в спальне и разревелась.

Ее нагло переигрывали на ее же поле. И развернуть ситуацию в свою пользу не представлялось возможным. Если только на Руси?

* * *

– Ваше высочество, мой муж ведь не поедет воевать?

Бася, отлично прижившаяся в школе, быстро нашла общий язык с Софьей. И иногда они даже гуляли вместе по саду.

Царевна усмехнулась:

– Бася, милая, зачем он там?

– Но ведь Собесский идет....

– А Ежи останется здесь.

– А если он будет просить?

Софья посмотрела на женщину. Да, вроде как Бася ее старше, а все равно – дитя ведь.

– Бася, а ты ему сказала, что непраздна?

– Не.... что?

– Ребенка ждешь? – для ясности Софья заговорила на польском: – Spodziewasz się potomka?

– Ваше вы...

– Ну, я. Ты же не думала, что в моем доме от меня такое скрыть можно?

– Я... не... А кто еще?..

– Царевны. Девушки, думаю, догадываются. Но сказать мужу должна ты.

– К-конечно.

Бася залилась краской от ушей до выреза на платье, но взгляда не отводила.

– Он ведь не уедет?

– Пока не родишь – точно никуда его не пошлю. Обещаю.

Софье щедрость далась легко. Ежи был в чем-то незаменим. Отличный вояка, способный за месяц сбить из толпы разгильдяев подобие полка – незаменимый кадр для школы. И верхом, и с саблей, и дрессировщик для подростков...

Учитывая, что Степан Разин явно перебирался на Украину, а по итогам похода обязан был там окопаться и постараться стать гетманом всея Украины, либо сразу, либо сначала поставить туда Ивана Сирко, а потом стать его преемником, Ежи становился жизненно необходимым. Конечно, кого-то Степан пришлет сюда вместо Фрола, но ведь доверенный человек нужен! И Софья собиралась оставить Ежи на этой должности.

Во всяком случае, на следующие лет пять.

– Благодарю, ваше высочество.

– Бася...

– Сонечка, спаси тебя Бог!

Бася уже вполне чисто говорила по-русски. И Софья нахально использовала ее в качестве учительницы польского. А что?

Опять же манеры знает, при дворе была принята... Кадры – наше все!

Из-за куста за женщинами внимательно наблюдал Сильвестр Медведев. Вглядывался, задумчиво навивал на палец локон.

Странное это место...

Царевны спокойно прогуливаются по саду, делами занимаются... Ему будет о чем доложить учителю.

* * *

– Сонюшка, прочитай письмецо?

Софья приняла грамотку из рук у брата.

– Кто?

– Вильгельм Оранский.

– Нидерланды?

– Он штатгальтер...

Софья прищурилась. Что-то ей это напоминало... Вильгельм?! Оранский?! Ну же, голова, ну! Какого ж я не учила историю!? Но тут не в истории дело, тут другое...

Где же, как же...

И вдруг, вспышкой!

– *Короля Вильгельма?* – удивленно переспросил Блад, заметив, что и Питт, и Дайк, и стоявшие позади него пираты стали подходить ближе, охваченные тем же удивлением, что и он. – *А кто такой король Вильгельм, ваша светлость? Король какой страны?*

– *Что, что такое?* – Лорд Уиллогби, изумлённый этим вопросом, посмотрел на Блада и, помолчав некоторое время, сказал: – *Я говорю о его величестве короле Вильгельме Третьем – Вильгельме Оранском, который вместе с королевой Марией уже свыше двух месяцев правит Англией.*

Воцарилось молчание. Блад не сразу осознал эту довольно ясную информацию.

– *Вы хотите сказать, ваша светлость, что английский народ восстал и вышвырнул этого мерзавца Якова вместе с его бандой головорезов?..*

И потом, еще ярче:

И Уиллогби коротко рассказал о них: король Яков бежал во Францию под защиту короля Людовика; по этой причине и по многим другим Англия присоединилась к антифранцузскому союзу и сейчас воюет с Францией; поэтому сегодня утром флагманский корабль голландского адмирала был атакован эскадрой де Ривароля. Очевидно, по пути из Картахены француз встретил какой-то корабль и от него узнал о начавшейся войне...

Ну конечно же!

Любимая ребенком «Одиссея капитана Блада». И Володя, читающий ее сыну. Соня стоит в дверях, смотрит на своих мужчин и улыбается. Тогда она еще не знала, что их ждет впереди.

И все же!

Был ли в Англии бунт Монмута?! Надо немедленно разузнать!

И память услужливо подбрасывает вторую картинку из фильма.

«Одиссея капитана Блада», самое начало. Старый фильм, еще советский, с Ивом Ламбрештом в главной роли.

16 сентября 1685 года

Бриджуотер, Англия.

Скоро. Совсем скоро...

– Сонечка, ты так выглядишь...

– Извини. Но... Мне просто кое-что привиделось.

– И что же?

– Мне показалось, что Вильгельм станет королем Англии. Не сейчас, позднее, но станет.

– Та-ак...

Алексей и не подумал повертеть пальцем у виска. Если сестре что-то кажется, это не с бухты-барухты.

– Тогда надо подумать, что нам выгоднее. Поддержать его – или перебьется?

– Чего от нас хочет штатгальтер?

– Помощи. У него в стране тяжко.

– Я как-то про Нидерланды не думала, а что у него там?

– Они сейчас воюют. С Кельном, Францией, Мюнстером...

– М-да....

– Думаешь, отобьются?

– Вполне. Если Вильгельм потом станет королем Англии – однозначно! А какой помощи он просит? Солдат? Денег?

– Скромно намекает, что всего бы и поболее...

– Батюшка не одобрит. А у нас и так денег мало.

– Соня, а ежели ему помочь хоть чем?

Софья задумалась. Судя по всему, Вильгельм, который старше ее на семь лет, парень очень неглупый. Если сейчас, в двадцать три года, выдерживает войну...

– А что нам выгоднее? Если сейчас мы его поддержим, он станет королем Англии. Умный, серьезный....

– Англичане нам не враги...

– Но и не друзья. Они никому не друзья. А потому...

Софья прищурилась.

Кельн, говорите?

Мюнстер?

Франция?

А кто у нас голландский резидент? Ван Келлер? Хотя нет, его впутывать не надо. Любой человек желает блага своей стране. Соответственно при его помощи с Вильгельмом ничего не сделаешь. Наоборот. Ежели что узнает – тут же упредит. А узнает?

Может... А вот коли мы сейчас Франции поможем...

А Кельн с Мюнстером поддержать не надобно?

Таким образом мы решаем две проблемы. Устраняем будущего умного английского правителя – ни к чему островитянам такие пряники.

Получаем отток инженеров, архитекторов и прочих специалистов из Голландии. Кому ж охота оказаться в горниле гражданской войны.?

Потренируем своих ребят в охоте на человека. Да, обучали в школе и такому. Хотя и одного-двух из сотни. Но такие специалисты нужны любому государству, а если у человека талант именно к этому делу – грех не воспользоваться.

Она не знала, способна ли она изменить историю, но почему бы не попытаться? Кстати, надо бы найти в Англии Монмута – и помочь хорошему человеку. Да и ирландцам чего хорошего сделать? Денег подкинуть али оружия?

Пусть на островке своими делами занимаются, ни к чему им на континент лезть.

А Вильгельм....

Конечно, его жалко! Кто б спорил! Но... всех не пережалеешь.

На лице Софьи расплылась коварная улыбка:

– Алешенька, милый, не написать ли нам французскому королю? Ни к чему нам Вильгельму помогать, ой ни к чему...

Второй пункт плана она и Алексею не сообщила. О нем будут знать двое – она и исполнитель.

* * *

Михайло Корибут смотрел на сына, лежащего в вызолоченной колыбели.

– Какой же он крохотный!

– Ничего, вырастет – в папу будет.

– Скорее бы...

Марфа ответила улыбкой:

– А папа ему обязательно оставит сильную державу.

– Все для этого сделает!

– Турок уже прогнали, теперь добить их...

– И добьем! Скоро уже войско в поход двинется.

– Милый, а сколько мы посылаем с Собесским?

– Пятнадцать тысяч человек. И восемьдесят пушек.

Михайло вздохнул. Мало, конечно. Но ведь и поляки войнами ослаблены. А еще Леопольд пишет. И его понять можно. Коли Турция на русичей отвлечется, так для него самое сладкое время настанет. А все ж таки...

Русские Михайле на помощь пришли, а с Леопольда что? Предложение дружбы?

Маловато будет!

Пусть что-нибудь еще предложит, тогда и поговорим.

Марфа поняла состояние мужа. Чуть вздохнула, склонила головку к нему на плечо.

– Собесский – полководец от Бога.

– Вот и пусть в Крыму доказывает. Благо граница рядом, пусть геройствует. А вот жену его я на это время на Русь отошлю.

Марфа опустила ресницы, скрывая злой блеск глаз. К чему было отправлять Марию так далеко? А куда?

Отправлять ее в Европу, откуда эта гадюка переберется во Францию? Где так легко плести интриги?

Нет уж, увольте. С другой стороны, ежели сейчас с ней что случится в замке у Михайлы – кто окажется крайним?

Мария Собесская была для Вишневецких слишком драгоценным заложником. И в то же время... Если б кто-то захотел насмерть рассорить Яна и Михайлу – лучшего шанса век бы не представилось.

А потому...

Поедет гадюка на Русь, как миленькая. Вон, Иероним Лянцкоронский ее сопроводит.

А Ян...

Собесскому предстояло выкупать свою жену, рискуя сложить в Крыму голову. Русские собирались идти от Азова. Казаки – с Сечи. И через Сечь же пойдет Ян.

Михайло понимал, что ему там сейчас земель не достанется – неудобно расположено. Но...

И с татарами посчитаться стоило, и ежели сейчас этот кусок откусить... Допустим, эти земли получит Русь – все одно трофеев у татарвы на всех хватит. А что получит он?

А безопасность своей страны вдоль Днепра. Дружественную Сечь. А там – кто знает, что еще ухватить получится? Найдется им еще с кем повоевать... совместно с Алексеем Алексеевичем.

Сейчас Михайло – ему, потом молодой русский король поможет...

– Мария не сопротивляется?

– Пусть бы попробовала...

Михайло в очередной раз погладил жену по волосам и подумал, что ему сильно повезло. Красавица, умница...

Эх-х-х... как же Яна угораздило так вляпаться?

Его жена смотрела невинными глазами и думала о своем.

Как же Яна угораздило так вляпаться? Надобно помочь бедняге... Софье она уже отписала – и когда герои с победой вернутся на Русь, прославленного полководца обязательно будет поджидать подходящая дама...

Лишь бы вернулся живым.

Хотя тут – по-всякому неплохо.

* * *

Таня смотрела на небо.

Уже родное, любимое, православное! Домашнее темное и бархатное небушко с точками звездочек по черному фону. Кровать ее в приюте стояла около окна – и иногда Танюша просыпалась, смотрела на звезды...

Уже недолго здесь быть осталось. День или два...

Вот придет Ефимушка...

Она и сама не думала, что судьбу свою найдет по дороге домой – ан нет! До Азова ее довели честь по чести. И дети у нее на руках не умерли. Да и в Азове их разделять не стали. Попросили Таню приглядывать за малышами – и та согласилась. А потом, спустя дня четыре, погрузили их на корабль – и пошли вверх по Дону.

Таня на корабле за детьми ходила, ей качка нипочем была. А там Ока. И Белопесочский монастырь, где спешными темпами строились дома для тех, кто пожелает рядом поселиться. А что? Землицы дадут, к монастырю припишут – и живи себе спокойно.

Вот там она с Ефимом и познакомилась. Он лесом торговал, деревья поставлял на строительство... и приметил Таню.

Сначала словом перемолвились, потом Таня про судьбу свою рассказала, а там и Ефим пожалился.

У него о том году жена умерла, оставив трех детей малых. Конечно, его мать за ними смотрит, да все ж – не то. Вот и решил, что надо приглядеть новую супругу.

Не бедняк, не злой, прокормить супругу сможет, куском хлеба али платком новым не попрекнет... А что в плену была – так это не порок. От суммы да от тюрьмы...

К тому ж она себя сберегла, со всеми не ложилась, а один мужчина... Можно считать, что как замужем побывала. Да и не грешила она. По принуждению еще и не то сделаешь! Жить-то хотелось!

Вот и соединить бы два одиночества?

Таня подумала. Пригляделась...

И решила попросить царевну Ирину узнать подробнее о Ефиме. Даже не саму царевну, нет. Для таких дел при ней несколько девушек состояли. И предупреждали всех – не бросаться очертя голову. Люди-от – они разные бывают, дураков везде хватает. Вон, Настасью едва успели из петли вынуть.

Вспомнив, как царевна Ирина орала на священника, Таня аж поежилась. Ирину, свет Михайловну, тогда две девушки держали, а царевна надсаживалась – на версту слышать было.

Тебя, недоумка, привезли, чтобы души людские утешать, а ты судить вздумал?! Праведным себя возомнил?! Христос блудницей не побрезговал, а ты, значит, выше всех себя поставил?! Да я патриарху отпишу! Ты свиньям на скотном дворе проповедовать будешь, скотина, пока из себя гордыню не выбьешь!!!»

И хоть бы кто слово сказал.

Другие попы – те молчали, возражать и не думали, куда там! Мелькало у них что-то такое в глазах... а и то ж! Молодой, ретивый, дурачок еще... пусть сейчас получит, чем потом грех на душу возьмет, противоапостольский подвиг совершит, живую душу от Бога отвернет.

– Танечка, как здоровье?

Рядом на скамеечку присела одна из царевниных помощниц. Ксения. Таня поглядела чуть ли не с завистью. И как это ей удастся?

Люди ведь все видят, в том числе и что девушки рядом с царевной иногда за весь день не присядут, то там крутятся, то здесь мелькают, то говорят, то записывают – а все ж Ксения свежа и бодрa, словно жаворонок. Улыбается, глядит ласково.

– Бог милостив, все в порядке. Вот Настасью навестить хотела...

– А и сходи. Поговори с бедолажкой, глядишь, ей чуть полегче станет. – Темные глаза Ксении были безмятежными. – Пришла она в себя, плоха, конечно, но отойдет, Бог милостив. А мы приглядим, чтобы ее никто впредь не обидел.

– Ведь столько перенесла...

– В том-то и дело. – Ксения пожала плечами. – В плену многое можно было вынести – от врагов же! Там душа колючками оцетинивалась, ровно ежик. А здесь-то дома вы успокоились, расслабились – и вдруг сапогом, да в мягкое брюшко, да когда ждешь, что тебя погладят и утешат...

Таня поежилась. А и верно ведь... когда не ждешь предательства – оно больнее ранит.

– Ты не переживай за нее, царевна милостива. Не бросит девочку на произвол судьбы.

– Век Бога за царевну молить буду! – вырвалось у Тани. – Сколько уж она для нас сделала!

По лицу Ксении мелькнула тень, но так быстро, что ровно и не было ее.

– По просьбе твоей узнали мы про Ефима.

– Да?!

Таня встрепенулась, впиалась в девушку глазами. А та смотрела дружелюбно.

– Таня, ты только не огорчайся... Знаешь, от чего у него жена умерла?

– Говорил он, что от родов...

– Верно. Только не сказал он иного. Что уже через пару недель после родов он супруге похотью своей дышать не давал.

– То есть?..

– Коли сдерживал бы он себя и не тешил беса – жива была б его жена. Сам он в могилу ее свел частыми родами. У детей разницы – девять-десять месяцев. Да и третьего... Его жена сестре говорила, что муж ей роздыху не дает, даже пока в тяжести она. Оттого и ребенок родился раньше срока, оттого и роды плохо пошли.

Таня и не подумала сомневаться:

– Это правда?

– К сожалению. Что делать – тебе решать, коли захочешь за него замуж – отговаривать тебя не будем, но лучше уж ты с открытыми глазами выбор делай.

– Я надеялась, что он меня любит.

Ксения пожала плечами:

– Любит ли – не знаю, но то, что ты век ему благодарна будешь, а пожаловаться и некому будет – так это точно.

Таня кивнула:

– Откажу я ему.

Не для того она столько пережила, чтобы из огня да в полымя угодить! Не для того!

Ксения ласково приобняла девушку за плечи.

– Не думай о плохом. Ты с детьми справляешься – лучше не надобно, место есть, никто тебя отсюда не погонит. Долго ли, коротко ли, но судьбу ты свою встретишь.

– Лишь бы мимо она не прошла.

– Поверь мне, судьба, она и в сточной канаве найдет.

Насчет канавы Таня не поняла, но поверила. Откажет она Ефиму – и пусть его. Придет еще ее суженый.

И невдомек ей было, что Ксения вспоминала о своей судьбе. Которая выдернула ее руками царевны Софьи из сточной канавы, где пряталась девчонка, чтобы не насильничали. Отмыла, отчистила, всему научила – и вот она здесь. Помощница самой царевны Ирины.

Ой, не за ту Таня молиться будет. Коли б не царевна Софья, не государь Алексей Алексеевич... не жить бы им обеим! Как есть – не жить. Только вот народ о том не знает, для этих напуганных девчонок благодетель – царевна Ирина.

Ничего. Она сегодня за всех помолится.

Дай им Бог здоровья и удачи во всех делах!

* * *

Марфа смотрела с балкона, держала на руках ребенка.

Сегодня уходило войско. Уходило на Сечь, а потом и далее. Сражаться с турками, позднее, к осени, они на Русь вернутся, через нее домой пойдут... а как бы за ними полететь хотелось!

Русь увидеть, дом родной. Даже сестрицу Дуньку расцеловала бы.

Соскучилась.

И вроде бы все хорошо, и сын замечательный, и муж ее любит, на руках носить готов, а нет-нет да накатит тоска. И взвоешь волчьим голосом...

Скрипнула дверь.

– Государыня царица, отдала я письмецо ваше.

Марфа улыбнулась. Для этих девочек, приехавших с ней, она не совсем королева. Нет-нет, да оговорятся, назовут, как на Руси привыкли. Не со зла, не от неуважения – привыкли просто. Но поскольку это наедине, да и на русском – не столь страшно.

– Вот и ладно. Самой бы на Русь съездить, да кто ж отпустит?...

Девушка по имени Глафира улыбнулась:

– Ваше величество, так время дайте! Десять лет назад никто бы с поляками родниться и не подумал. Год назад вы сюда приехали – так на нас шляхта волками глядела. А сейчас?

– Они и сейчас что твои волки, просто клыки попрятали, – буркнула Марфа, качая колыбель. Сына она никому не доверяла. Сама кормила – и муж не протестовал, радовался, что жена ребенка любит и сын здоровым вырастет, ставила колыбель в соседней спальне, чтобы услышать ночью, ежели малыш заплачет, лишний раз придворных не подпускала – смотри с расстояния в два метра, а руками и вовсе не тронь...

За ребенка Марфа кому угодно бы глаза выцарапала.

– Да ведь не только в шляхте дело. Простые люди куда как лучше к нам относиться стали, это важно! Вот увидите – и десяти лет не пройдет, как будем друг к другу в гости ездить!

– Твои слова да Богу в уши.

– Верьте, государыня. Да и сестра ваша так говорит!

– Да, Сонюшка...

Сестре-то Марфа письмо и отправляла. Ей не нужна была Марыся Собесская. Сейчас та ее отравить попробовала, а что далее? Детей изведет? Или – того хуже, мужа?

Нет уж.

Здесь Марфа с этой гадиной ничего сделать не могла. Но на Софью надеялась крепко.

* * *

– Ваше величество, вам письмо от русски тсаревиш....

Правильно произнести сложные слова Кольбер не мог по определению. Людовик Четырнадцатый вскинул брови.

– Но почему оно у вас?

– Прошу вас, ваше величество, прочитайте. Гонец, который доставил его, ожидает в моем доме. Точнее, тут целых два письма.

– Да?

– Прошу вас, сир...

Людовик хмыкнул и раскрыл сначала то письмо, которое предназначалось Кольберу.

Изящный почерк, чистейший французский, отличная бумага...

В элегантных выражениях русский царевич восхищался финансовым талантом господина Кольбера. Говорил о том, что без него Франция не достигла бы такого величия. Только незаурядный ум его величества мог распознать такой талант и поставить его на службу отечеству. Сожалел о том, что на Руси не нашлось покамест такого прекрасного человека. И – переходил к делу.

Франция ведет войну с Нидерландами. Точнее, поддерживает Кельн и Мюнстер. Русь тоже бы поддержала, но вот беда – возможности не имеет.

Может быть, Русь поддержит Францию, а уж те?..

Если господин Кольбер будет так любезен и передаст письмо... Например, можно снизить пошлины для французских купцов, или договориться о закупке французской продукции по взаимовыгодным ценам, или о продаже некоторых русских товаров именно французам, а не голландцам?

Одним словом – все останутся довольны.

Людовик хмыкнул – и перешел ко второму письму.

Вот тут неизвестный дипломат развернулся во всю ширь. Он превозносил Людовика так, что королю даже приятно стало. Восхищался мужеством его величества, его поведением во время Фронды, тем, как король сломал хребет аристократам, стремлением короля к прекрасному...

Хвалил Версаль, который недавно начали строить, и уверял, что гений короля останется в веках.

И – переходил к делу.

Очень вежливо, буквально между строк намекая, что Руси не нужен Вильгельм Оранский. Вообще.

Нужен ли он Франции? А то, может быть, обеспечим ему несчастный случай? Ваши специалисты, наше финансирование? Или наоборот. Наши специалисты, наше финансирование, ваша помощь.

Потому как Вильгельм умен и хитер. А еще если он женится на дочери английского короля, будет иметь права на английский трон. И нужно ли?..

Мы-то от Англии далеко, а вы? Нужен ли вам сильный и умный правитель на этом проклятом острове? Они ведь вам сколько уж лет враги, просто вы никак сладить с ними не можете...

Людовик читал и хмурился.

Вообще вопросы были поставлены серьезные. Он не знал, что Софья, Ибрагим, Алексей и Ваня изодрали не один десяток черновиков, прежде чем составили письмо должным образом.

Вильгельм уже почти подавил восстание. Он ведь и дальше пойдет и начнет делить с вами колонии... хотите?

Людовик не хотел.

А вот какая выгода от этого русским? Не то чтобы убрать штатгальтера было сложно – сейчас это не составило бы труда, да и подозрения на него не пали бы, но... Что это за бескорыстная помощь?

Ан нет.

Не бескорыстная.

Английские купцы резко не нравились царевичу. Да и голландцы тоже. Ему надо было торговать самому, а торговлю душили пиратством. А вот ежели на паях с блистательной Францией...

Лучше поделиться со львом, чем вырывать объедки из рук шакалов.

К тому же... а кто еще, если не Людовик?

Свою выгоду получают и французский правитель – и Русь. А то, что Алексей Алексеевич пока только дофин – ну... все мы смертны. Рано или поздно, так или иначе – Алексей Михайлович умрет и царевич сядет на трон. Почему бы не начать дружить заранее?

При этом впрямую ничего написано не было. Не упоминалось почти никаких имен, ничего не говорилось открытым текстом...

Попади такое письмо в руки даже штатгальтеру – он бы хоть и прогневался, но... это ж не наем ката?

Последнее предстояло сделать Людовику. И... почему бы нет?

Идеи были высказаны здравые. Так что спишемся, поторгуемся и... согласимся?

Людовик пока еще не принял однозначного решения, но склонялся к положительному ответу. Надо, надо соглашаться.

И верно – ни к чему ему талантливый соперник. Ни на континенте, ни через пролив. Да и русский дофин не глуп. Отправь он письмо обычным порядком, всем бы стало известно. Но он написал господину Кольберу.

Неглупый мальчик...

* * *

– Садись, сынок.

Алексей Михайлович с явным удовольствием глядел на здорового улыбающегося мальчишку.

А ведь отличный парень вырос! Всем бы таких! Умный, ловкий, серьезный, самостоятельный, не трусливый – что тоже для государя важно...

– Как здоровье, батюшка? Как дела?

– Неплохо. Не могу пожаловаться. Разве что тебя редко вижу...

– Так я постоянно то в Дьяково, то еще где. Зато младшие пока при тебе. Как Володька?

– Растет, улыбается...

– А хороший у меня братик получился?

– Очень. И Любава второго ждет.

– Батюшка, да ты что?! Радость-то какая!

Алексей обрадовался так искренне, что царь даже вздохнул. Вот ведь... злые языки, наветники, все бы им яд сжевывать. Нашептывают, наушничают... а мальчишка просто рад...

– Чем более Романовых, тем власть наша крепче, – словно прочитал мысли отца Алексей. – Опять же, мало ли что с кем случится...

– И думать о таком не смей!

Алексей Михайлович перекрестился. Сын пожал плечами.

– Тятенька, так ведь на войну идем, не на прогулку...

– Знаю, сынок. Эх, и оглянуться не успеваешь, а вы уже взрослые...

– Да вот... Батюшка, а что, ежели нам еще кого из сестренок замуж выдать?

– Уж не Сонюшку ли?

В ответ на отцовскую улыбку Алексей замотал головой не хуже норовистой лошади.

– Вот уж нет! В Швеции у нас сейчас Карл, в Курляндии – Фридрих, и оба холосты.

– Не согласятся шведы, враги мы с ними.

– А датчане? Там сейчас Христиан, у него только-только сын родился. Коли Любаша дочку нам подарит, так лучшего бы и пожелать нельзя?

Хм-м...

Алексей Михайлович серьезно задумался над этим вопросом. А почему бы нет?

Чай, король, не герцог, что и было высказано. Алексей только плечами пожал.

– Батюшка, король ли, герцог ли... был бы человек умный да надежный. А как его должность называется – то шелуха от семечек.

– Да и кого мы за Фридриха выдать можем? Ежели Софью ты не отдашь?

– Так Катюшку! Он ее на восемь лет старше, самое оно!

– А не Дуняшу?

– Тятенька, ты Дуняшу сам видел. Ее еще воспитывать и воспитывать, чтобы не позорила страну, да нужное нам проводила...

– Ишь ты, как размышляешь...

– Так что делать, тятенька? Глупый друг опаснее умного врага.

– Ладно. Скажи Афанасию, пусть письма пишет...

Алексей кивнул. Кому и поручить, как не Ордину-Нащокину. Умен, предан, обхождение знает – чего еще надобно?

– Сделаю, батюшка.

Алексей был доволен. Да, дома дочек замуж выдать не за кого. А вот за границу...

Ну и что, что иноверцы?

Муж да спасется женою своей – это раз.

В своем бардаке разгребитесь, прежде чем других учить – это два.

И вообще, одну уже выдали, остальных легче будет. Это – три.

* * *

– Пан Лянцкоронский! Проше пана...

– Ежи!!!

Возмущенный возглас Иеронима дал понять пану Володыевскому, что церемонии можно не разводить, и Ежи радушно улыбнулся.

– Как я рад тебя видеть!

– И я тебя, дружище!

Мужчины скрепили радость встречи крепким рукопожатием.

– Царевич вас позднее ждал...

– Но тебя ж выслал навстречу?

– Ну, так то ж святое. Вы по чужой земле идете, мало ли какие здесь люди... вот, чтоб вас ненароком не обидели...

Подтекст был ясен обоим мужчинам. Обидишь две сотни поляков, как же! А вот чтобы они какой дури не учинили и не началась опять распря и был послан пан Володыевский с небольшим – тоже сотни две – отрядом. Встретить, сопроводить со всем почетом... а кому еще можно такое доверить?

Так что вскоре оба пана ехали рядом во главе войска, а Ежи рассказывал о своем житье-бытье:

– ...приняли, как родного. Поселили нас с Басей пока в Дьяково, покои отвели в тереме, но рядом нам свой дом строится. Да и на Москве так же.

– Ты так и возвращаться не захочешь...

Ежи пожал плечами.

– Бушуют Езерковские?

– Не то слово!

Узнав о заточении Кристины в монастырь, Езерковские кинулись в Краков и упали королю в ноги. Умолять.

Еще бы, куда это годится?! Племянницу, красавицу, умницу, практически «черную вдову» вдруг от родного мужа отрывают. Да еще так цинично – чуть ли не по обвинению в государственной измене. А к тому ж...

Теряется все ее состояние. Раньше-то Кристина все тащила в семью, все для Езерковских, а сейчас она в монастыре, деньги и земли у ее мужа, а тот уж и вовсе на другой женился! Да на ком!

Пригрели змею на груди!!!

Конечно, паны взбесились. И сам дядюшка Кристины, и его многочисленная родня – племянники и племянницы. Как же, дохода лишили!

И будь Ежи в Кракове – не вылезать бы ему из дуэлей. Да и шляхта заволновалась. Ей-ей, останься Володыевские в Польше – затравили б и его, и Басеньку. Но это ж в Польше!

А ехать в Москву, на суровую русскую землю, ради того, чтобы вызвать Ежи на дуэль... Э, нет. Так далеко удаль Езерковских не простиралась. Да и король ответил весьма резко и жестко.

Сообщил, что все решения были приняты паном Володыевским с его высочайшего соизволения. И вообще пан Володыевский – народный герой. Он Каменец защищал от поганых захватчиков.

А вы в это время чем заниматься изволили?

Ах, хозяйством?

Ну вот вам мое повеление.

Отправляйтесь на хозяйство и без моего дозволения при дворе не показывайтесь, не то в темнице сгною! Наглость какая! Кстати, не вы ли, пан, дочку свою научили мужа бросать да в лицо ему каркать, смерть предсказывать?

Это и вовсе изменой родине пахнет...

Паны, конечно, отнекивались и пытались настаивать на своем, но уж больно неприглядно выглядел поступок Кристины, тем более в годину бедствий. Пришлось Езерковским отступить, хотя любви к короне им это не прибавило. Кристина же, постриженная под именем Марии, несла служение в одном из монастырей покамест строго запертая, ибо была уже поймана при попытке побега.

Ежи только вздохнул, выслушав эти новости. Вернуться домой с Басенькой им в скором времени точно не грозило. Лет десять ждать придется. Ну и что бы на Москве не отстроиться за это время? Тем более, дети пойдут уже скоро...

Иероним искренне поздравил пана с ожидаемым прибавлением. Но на вопрос о Собеском, коего Ежи чрезвычайно уважал, горько вздохнул и выложил Володыевскому все без утайки.

Все равно ведь Марыся останется в Дьяково, а значит, нечего и таиться. Пусть лучше Володыевский правду от него услышит, чем потом ему где-то да солгут...

Ежи выслушал с непроницаемым лицом, но Лянцкоронский все равно заметил негодование. Видно ж все равно было, не с прямоотой Володыевского такое прятать.

– Ты тоже считаешь, что она виновата...

– Дура она. И мужа под монастырь подвела, – со всей прямоотой высказался маленький пан. – Дура. Уж прости, но будь она моей женой – запер бы я ее под замок, чтобы сидела и детей рожала. И не лезла никуда.

Лянцкоронскому подумалось, что так в итоге и выйдет:

– Как еще к ней в Дьяково отнесутся?

Ежи улыбнулся:

– Может, как родную и не примут, у русских род – это все, а она женщину их рода отравить пыталась. Но, поверь мне, ни обижать, ни ущерб какой нарочно причинять – тоже не будут. Царевны... знаешь, не будь я женат... – Ежи хитро разгладил ус.

– И кто ж тебе по нраву пришелся из царских дочек? – Иероним едва сдержал смех, глядя на попытки ротмистра изобразить из себя храброго покорителя женских сердец.

– Все. Что старшие царевны – мудры, добры, рассудительны, к ним, ровно как к матерям, тянутся, что младшие... знаешь, видел я женщин, но таких! Бася вмиг с ними подружилась, учится чему-то, сама царевичевых воспитанников да воспитанниц нашему языку учит...

– Женщина? Учит?!

– А что такого? Ты погоди, они еще и Марию к делу приставят. Она ж французский знает...

– Ну да...

– Уж поверь мне, ежели царевны что решат – им никто противостоять не сумеет.

Слов у Иеронима не нашлось. Одно изумление.

* * *

– Отче, здравствуйте.

Сильвестр широко улыбался любимому наставнику. Симеон встал ему навстречу:

– Сильвестр! Рад видеть тебя! Как дела? Как тебя приняли в Дьяково?

– Приняли настороженно, – честно отчитался Сильвестр. – Так что хожу с оглядкой, стараюсь, чтобы меня окончательно приняли.

– Как царевич к тебе отнесся? Не обижает?

– Нет, отче! Царевич...

– Что?

– Я для него как шкаф заморский. Да, пожалуй, вот так...

Сильвестр развел руками, не в силах сформулировать точнее. Хотя и это определение очень точно отражало суть отношений между ним и царевичем. Алексей Алексеевич просто не интересовался астрономией, но надо же было с чего-то начинать детям? Знать созвездия, ориентироваться по звездам, потом составлять звездные карты, следить за движением планет...

Да и сами планеты!

Не так давно открыли спутник Сатурна – Рея. Софья вообще планировала рано или поздно устроить в школе обсерваторию. На основании движений небесных тел многое можно и о земле сказать, разве нет? Где обсерватория, там и метеорология....

Одним словом – работать было интересно. А вот остальное...

– Это как же? – Полоцкий явно растерялся. Сильвестр задумался, потом постарался выразить точнее то, что сам чувствовал:

– Вроде бы и ходит он мимо меня, а вот интереса я в нем никакого не вызываю. Пару раз царевич меня и беседой удостаивал, но не просто так, а по делу какому-то. Записку ему составить, карту начертить... А вот близко к себе он не подпускает.

– А гороскоп? Он ведь на войну идет...

– Пытался я его заинтересовать. Куда там!

Сильвестр поморщился, вспомнив, как отнеслись к его труду. Шикарный гороскоп, обещавший, кстати, победу, хотя и со множеством трудностей, вычерченный на лучшем пергаменте, поданный со всем уважением, не вызвал у царевича ни малейшего интереса.

– *Звезды? Идите, господин учитель, с ребятами занимайтесь, а то они Скорпиона от Кассиопеи не отличат.*

Сильвестру было искренне обидно. Он ведь не лгал, он и сам верил в свои писульки и звездюльки.

– А царевнам? Тоже неинтересно?

– Царевне Анне – так точно, Татьяна полистала, но тут к ней Софья пришла...

– И?

– Никогда я себя таким дураком не чувствовал.

Сильвестр поежил, вспоминая темные глаза юной девушки, которые впились в него двумя шильями.

– *Предвещаем победу? Дело хорошее, дело важное. А почему тетушке? Что, братец уже велел к нему с глупостями не лезть? Оно и правильно.*

– *Сие не глупости, государыня, а точная наука...*

Сильвестр пытался защищаться, но куда там. Мешало еще то, что царевна Софья не смущалась, не стеснялась, не терялась в присутствии пусть и монаха, но все же таки мужчины! Невинная же девушка, сие точно известно, а взгляд – словно наизнанку выворачивает.

– *Точной наукой, господин учитель, вы в школе займитесь. А ежели я узнаю, что вы тут гороскопы составляете, попрошу протопопа Аввакума с вами разобраться. Это как раз по его части.*

– *Государыня царевна....*

– *Вон отсюда. Вместе с гороскопом.*

Сильвестр и сам не понял, как оказался за дверью. Зато отлично ощутил, что подрысник промок от пота. И только потом, переодеваясь в своей комнате, он понял, почему так получилось. Софья смотрела на него так, словно прикидывала, что выгоднее – убить его или в живых оставить? Пока выбор был сделан в пользу жизни, но ведь все может и перемениться. И страшновато было видеть на красивом девичьем лице глаза много повидавшего убийцы.

О том он и рассказал наставнику. Симеон послушал, подумал...

– А кто из царевен к Алексею Алексеевичу ближе стоит?

– Царевна Софья. – Медведев и не колебался. – Самая она для царевича близкая, самая родная, да еще он с Иваном Морозовым, ровно с братом. А царевну они оба готовы на руках носить.

– Вот даже как...

Опять пауза. И молчание, которое разрывается нехорошим старческим смешком:

– Сильвестр, придется тебе кое-что царевичу намекнуть...

Сильвестр послушно кивает, выслушав план.

– Исполню, отче. Единственное что – не сейчас. Царевич в поход отправляется, не до того ему, все забудется. А вот опосля победы или поражения – тут и будет возможность...

– И то верно....

Мужчины проговорили еще долго. Потом Сильвестр ушел, а Симеон остался смотреть в окно и размышлять.

О чем?

Ну, хотя бы о том, что ему написали. Ведь иезуит всегда останется иезуитом, где бы он ни жил, кем бы ни прикидывался...

И, почти как в армии, он обязан был выполнять приказы вышестоящего начальства. Даже самые... жестокие.

Но ведь им виднее?

Горит на столе свеча. Но кажется, чудится на миг, что дымок над ней скручивается черными петлями злых намерений, готовых сомкнуться на горле противника.

Убить, уничтожить тех, кто посмел жить по своим законам, иметь свое мнение, верить своему сердцу...

Свободные и сильные люди не нужны паукам в банке. А то ведь и стекло разобьют, и пауков передавят.

* * *

– Сколько людей у нас будет?

Иван Дмитриевич Сирко¹, один из самых уважаемых казаков, посмотрел на Степана Разина.

– Более пяти тысяч человек у нас набралось, восемьдесят две чайки пойдут.

– Изрядно.

– Да и русские пойдут, разве не так?

– И русские. Мы до Азова спустимся, а там – вдоль берега. А за нами русские корабли.

– Все на кораблях пойдут?

– Так по берегу опасно. Вот ежели Керчь захватить да Перекоп – тогда можно будет и татар гонять. Хотя, может, кто и пойдет. Я сам покамест многого не знаю.

– Хорошо ли это? Русские всегда нашей кровью за свое добро платили...

Степан сдвинул брови:

– Мне ли не знать? Сам я брата потерял, а все ж таки... сволочь – она всякой бывает. И русской, и казацкой. И у нас Дорошенко чего стоил? Всех хотел под султана прогнать...

– И то верно. Степан, я тебя с титешного возраста знаю, еще в люльке помню... Уверен ты в царевиче? Не подведет он? Ведь ежели что – твоя голова первой полетит, не простят казаки...

Степан вздохнул:

– Верю я ему, дядько. Другому кому не поверил бы, а царевича еще сопляком помню. Воля в нем железная была – и осталась. Он своих разменивать не станет. А ежели пошлет куда – я первым пойду. Потому что верю – то не просто так будет. Хватит уже поганым топтать нашу землю! Живем ведь от набега до набега! От стычки до схватки! Все разрознены, все землю, что одеяло, на себя тянут... Хватит! Что смогу – то делать буду.

Иван медленно кивнул.

Да уж, когда Дорошенко под султана пошел, разругался с ним атаман смертно – и пошел громить негодая, так что не понаслышке о междоусобице знал.

– Что ж, веришь ты – и я тебе поверю. Но учти, коли что – пощады и тебе не будет.

Степан кивнул. А что делать? Сейчас он все поставил на кон, либо пан – либо пропал. И пропадать не хотелось.

¹ В реальности Иван Дмитриевич вусмерть разругался с Дорошенко и бил его в хвост и гриву. Логично было предположить, что после гибели гетмана он или попробует стать следующим, но это вряд ли, мог бы уже десять раз стать, просто не хотел. Либо найти общий язык со Степаном. Второе представляется мне более логичным. (Прим. авт.)

– Ты ж не просто так зашел, Иван Дмитрич?

– Куда как непросто. Ты погляди, что за цидулька до меня пришла.

«Цидулька» выглядела очень солидно. Лист пергамента с большой печатью, шелковым шнуром... видел Степан такие.

– Дядько, никак тебя османы уважили?

– Оне... гниды! Да ты почитай, что пишут!

Степан кивнул и развернул свиток.

– Красота!

Я, султан и владыка Блистательной Порты, сын Ибрагима, брат Солнца и Луны, внук и наместник Бога на земле, властелин царств Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властитель над властелинами, несравненный рыцарь, никем не победимый воин, владетель древа жизни, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утешитель мусульман, устрашител и великий защитник христиан, повелеваю вам, запорожские казаки, сдаться мне добровольно и без всякого сопротивления и меня вашими нападениями не заставлять беспокоиться.

Султан турецкий Сулейман II².

– Сдаться ему, черту! Не много ль чести?

Иван кивнул.

– Ишь ты, никем не победимый. Не воевал, вот и не побеждали его, чего тут думать!

– И то верно. Отписать ответ да в поход собираться.

Иван хищно усмехнулся:

– Сам отписывать будешь?

Степан покачал головой:

– На такое и ответа-то достойного нет.

– Тогда отдай сюда. Мы ему отпишем!

Ответ писался при участии нескольких бочек горилки, писался настолько душевно, что некоторые выражения пришлось вымарать – боялись, как бы бумага не воспламенилась. Но и оставшихся хватило. И утром письмо полетело обратно, к султану, с заманчивыми предложениями. Казаки, грубый народ, сильно сомневались в происхождении султана и его видовой принадлежности, хотя и не знали таких определений. Зато были уверены, что он не убьет ежа голым задом, а потому не является рыцарем, тем паче – непобедимым. И предлагали ему совершить акт мужеложства со всем Запорожским войском, будучи при этом в пассивной позиции.

Одним словом, попытка наладить дипломатические отношения вторично – вдруг да отыщется еще один Дорошенко? – провалилась глубоко и с громким треском³.

² Не могу утверждать, что текст идеально правильный, источники везде разные. Взяла, что нашла. (Прим. авт.)

³ Не могла я пройти мимо такого смачного эпизода, тем более, что он где-то к этим временам и относился. (Прим. авт.)

Март 1673 года

Софья, ни на что не обращая внимания, висла на шее у брата.

– С Богом, Алешенька. Молиться день и ночь буду, только живой вернись.

– Еще как вернусь! Не плачь, Сонюшка. Все хорошо будет!

– Я и не плачу!

Софья действительно не рыдала, считая, что слезы приманивают беду на воина. Пусть у ребят все будет хорошо. Алексей последний раз поцеловал сестренку и вскочил на коня. Соня обняла еще и Ивана.

– Вернись, Ванечка. Я за вас обоих равно молиться буду...

Иван тоже крепко поцеловал девочку... да скорее уже и девушку. Это Софья за всеми бегами и трудами не замечала, как округляется ее тело и наливается грудь, а вот окружающим это отлично видно было. В том числе и Ивану Морозову, который твердо решил вернуться – и поговорить с Соней. Но это потом, потом...

А пока он крепко поцеловал девушку прямо в губы. И тут же, пока Соня не начала задавать неудобные вопросы, выпустил ее из объятий и вскочил на коня.

– Ты тоже себя побереги, сестренка, – ухмыльнулся Алексей, разряжая обстановку. И парни тронули коней.

Софья стояла красная, что та малина, – и ощущала себя полной дурой. В таком деле ошибиться она не могла. Ваня ее... любит?!

Да. Судя по всему – да.

А она его?

Софья задумалась. И страстной любви, о которой пишут в романах, в себе не обнаружила. Только глубокую и искреннюю нежность. Все бы сделала для этих двух мальчишек.

Но вот что делать с этими чувствами?

А если Ванька погибнет?

Тогда пусть домой не возвращается! Она его сама убьет!

* * *

Всего на Крым двигалось более сорока тысяч человек. Учитывая уже имеющиеся в Азове тридцать тысяч – сила получалась весьма внушительной.

Почти пятнадцать тысяч вел Ян Собесский. Пять, даже почти шесть тысяч собрали казаки. Слишком уж их обозлило письмо турецкого султана. Нашелся умник – вольным запорожцам приказывать! И двадцать две тысячи шло под командованием царевича. А если уж точнее – то командовали войском все те же Хитрово и Косагов. Они организовывали марши, они брали на себя семьдесят процентов работы... Ну а почему нет?

К полякам они уже удачно сходили – турки удрали восояси. Почему бы не повторить второй раз?

Да и из этих двадцати двух тысяч, почитай, десять тысяч было легкой конницы. Башкиры, калмыхи... те, кто отродясь татар не любил, а вот в седле они держались, как на коне рожденные. И уж пограбить, набрать рабов, трофеев...

В серьезном столкновении толку от них было немного. Но им предстояли не битвы. Им надобно было рассеяться летучими отрядами по степи и тревожить кочевья. Да сменить тех, кто зимовал в Азове, ежели те захотят.

Серьезных надежд на них Алексей Алексеевич не возлагал. Скорее на пушки, которые со всеми предосторожностями везли в обозе. На взрывчатку, которая хоть и получилась золотой,

но и результаты давала бриллиантовые. На страшное зелье, которое с предосторожностями вручила ему Софья.

Греческий огонь.

Она называла это именно так, хотя и подчеркивала, что с первоначальным огнем сие зелье имеет мало общего.

Да-да, Софья добралась до бакинской нефти. В основном благодаря Степану Разину. Для казаков в тех местах ходить было несложно, а уж высадиться, где сказали, да набрать в бочки, чего попросили, – тем более. Степан и поспособствовал, еще пока Алексей Алексеевич в польских землях геройствовал. Получив несколько десятков бочек с нефтяным содержанием, Софья занялась перегонкой. Она знала, что надо сделать, и примерно представляла себе устройство перегонного аппарата – а кто его не знает после знаменитого фильма Гайдая? – а в школе могли довести ее идею до ума. И довели ведь, и даже смогли перегнать нефть, после чего и соорудили снаряды с греческим огнем. А что?

Керосин есть, сера, селитра, а самое главное – негашеная известь. При опытах сгорела насмерть оказавшаяся рядом скамейка, получили легкие ожоги и тяжелую взбучку лаборанты, которые плеснули-таки на греческий огонь водичкой – и Софья задалась вопросом безопасности. Огнетушители с углекислым газом рассматривались пока в перспективе, хотя идея была плодотворная. Получить его несложно, кинь карбонат в кислоту – и радуйся. Только получить мало, надо еще направить, надо еще, чтобы давление емкость не разнесло и коррозии не было... Одним словом – огнетушители надо было считать, а вот асбестовые полотнища выглядели более привлекательно, как и ящики с песком. Впрочем, ящики можно было обеспечить уже сейчас, а вот асбест чуть позднее. Хотя заказ Строганову Софья уже сделала. Пусть добирается до Баженовского месторождения. Эх, как же ей иногда не хватало нормальной карты, спутниковой связи и компьютера! Про почту упоминать не будем. Как работала почта во времена оны – и как она работала в XXI веке, сравнивать было страшно. Потому что лошади оказывались круче поездов и самолетов, а сравнение получалось не в пользу Софьиной современности. Или, по некоторым подсчетам, почту могли везти кругалю через Чукотку. Тогда – да! По срокам все сходилось!⁴

Плотно запечатанные кувшины были погружены в специальные телеги – причем огонь находился не в смеси, а в виде отдельных составляющих. Слишком далеко его придется везти, слишком много ситуаций может возникнуть...

Где он пригодится?

Да хотя бы и против турецких кораблей. Галеры жалко, там христиане оказаться могут. А вот парусные турецкие суда – вполне! Бить! Никак нельзя не бить!

Опять же Керчь – приморская крепость.

Софья вздохнула.

Да, греческий огонь – страшная вещь. Оружие массового поражения, не иначе. Но тиражировать она его не даст. Будет хранить секрет, сколько сможет, благо до конца весь процесс знают два-три человека, остальных допускают строго в отведенные места. Разделяй и действуй, иначе и не скажешь.

Жестоко?

Страшно?

Софья привычно – поди, не привыкни за тринадцать лет-то! – перекрестилась на купола церкви.

Ее грех – она за все и ответит. Только она.

⁴ Одна моя знакомая пересылала вещь из Екатеринбурга в Саратов. Два месяца. (Прим. авт.)

* * *

– Степан! Ну, здравствуй!

Ромодановский искренне рад был видеть казаков. Особенно – на чайках. В гавани сразу стало как-то тесно и весело. Вот уж воистину – чайки. Мелкие, много, а как нагадить могут! Восторг!

– Здравствуй, боярин! Принимай гостей!

– Много вас?

– Да нет, всего, почитай, пять с половиной тысяч человек!

– Та-ак... Ладно. До подхода царевича размещу.

– Да ты не думай, боярин, мы в тягость не будем. С собой провизию захватили, опять же часть чаек в море выйдет на разведку...

Это Ромодановский одобрил. И фарватер узнавать надобно, и турок погонять... Они-то старались не сильно высовываться – не так много у него здесь кораблей, чтобы рисковать. Хотя и говорили моряки, что команды сработались, что справятся они с галерами, но мало ли...

С кого спросят?

Как войска везти, ежели что?

Нет уж, сидите дома – целее будете. А потому турецкие галеры чувствовали себя в заливе как дома. Да и были, до недавнего времени.

Казаки же...

Пусть осваивают.

Чего греха таить, до конца своими Ромодановский их не считал. Нужны? Да! Полезны? Трижды да! Вот и пусть приносят пользу.

Степан, в свою очередь, не возражал погонять турок по заливу. Пять с хвостиком тысяч казаков, рвущихся в бой, – смесь крайне взрывоопасная. И сдерживать их боевой пыл до подхода основных сил будет крайне тяжело, пусть они лучше на турках срываются.

– Когда выйдете?

Ромодановский и Разин отлично поняли друг друга – и не обиделись. Было б на что! Оба – профессионалы, оба – воины, оба по должности политики, просто в разных местах...

– Денька три отдохнем, да и вперед. Поделю чайки на две части, пусть попеременно, по три-пять дней бороздят залив, одни вернутся – вторые уйдут... как раз, пока все отдыхать будут, очередность определим с Иваном Сирко.

– Он здесь?

Про Ивана Дмитриевича Ромодановский был наслышан. Как же, герой... уж сорок лет герой, между прочим!

– А то ж! Таковую потеху пропустить он никак не мог!

Разин хищно ухмыльнулся. Впереди ждали великие дела. Если им удастся взять Керчь, выбить турок с Перекопа, а татар с полуострова – да за такое золотом в летописи вносят! И он постарается, чтобы его участие не прошло незамеченным.

Ромодановский думал примерно о том же, но золотыми буквами в летописях не интересовался. Его больше радовало то золото, что липло к рукам. А липло – немало. Даже с учетом царской и царевичевой доли, с учетом того, что никто не выворачивал карманы ни беженцам, ни башкирам, получалось очень прилично. Оставалось переправить все это до дома... Ну да ладно. Вывернемся! С такими деньгами многое сделать можно!

* * *

Три царевны под окном... Нет-нет, о рассуждениях речи не было. Сейчас все трое – Татьяна, Анна, Софья, смотрели на Марию Луизу Собесскую. И доброты в их взглядах не было. Никакой.

Мало того что эта девица могла разрушить тщательно лелеемые планы по обрусению Польши, так она еще и Марфу отравить хотела. Между прочим, любимую сестру и племянницу.

Впрочем, Мария не особо нервничала. Смотрела зло, гордо...

Софья в разговор вступать не торопилась, поэтому первой атаковала Татьяна. И старшая, и более нетерпеливая.

– Что ж, Мария, не могу сказать, что рады мы тебя видеть, но сейчас ты под нашим кровом. Всего ли тебе довольно?

Мария чуть заметно усмехнулась, повела плечом:

– Чем же я заслужила такую немилость, ваше высочество?

По-русски она не говорила, но царевны неплохо понимали польский – выучили с Марфой.

– Попыткой убийства нашей родственницы, – так же спокойно ответствовала Татьяна.

– Я невиновна. А коли была бы...

– Не стоит крутить, – вступила в игру Анна. – Лучше постарайся подумать над своей жизнью. Королевой тебе уже не стать, как и любой девке, которая свою честь потеряла, но хорошей женой – еще не поздно.

– Я своей чести не теряла!

– Да неужто? На франкского короля бессилие напало? А заодно и на его брата?

Анна с Татьяной откровенно издевались, заставляя Марысю выйти из себя, сжать кулачки.

– Это ваша Мария придумала!

– Коли б это правдой не было, ты б так и не нервничала!

– Это она мою честь сплетнями загубила!

– Невелика та честь, которую может сплетня унести, – фыркнула Татьяна.

– Уж какая ни есть – а все побольше вашей. Вся Польша знает, что царевны тут в школе блудят с кем попало!

Если Марыся ожидала гнева, то зря. Таня кокетливым жестом поправила волосы.

– Почему же с кем попало? Мы себе в мужья негодящих не выбираем и за сладкий кусок не продаемся. Как некоторые, кои с детства на польский престол ладились, да вот не срослось...

Софья не особенно следила за разговором. И так понятно, что тетки много не выудят. Разозлят – да. А в остальном... После Версаля-то, который тот еще гадюшник?

Если бы ей кто и сказал, что Версалью еще достраиваться и отделяваться – она бы только плечами пожала. Какая разница? Версаль, Тюильри или еще где – всегда французский двор был той еще клоакой, причем – и в переносном, и в буквальном смысле. Это непросвещенная Русь штаны меняла да в бане мылась, а шевалье... Откуда их поклоны с изящным размахиванием шляпой? Да просто в Париже ночные горшки на улицу выливали. Не уберегся – ходи с дерьмом-с на голове. А чтобы даму не шокировать видом и запахом, сам поклонись, а шляпу прибири подальше от чувствительного носика.

Так что Мария будет стоять до последнего. Но Софье и не ее исповедь важна была. Вот еще...

Храм в Дьяково по ее инициативе строился, и потайных мест там было более чем достаточно. Мария будет исповедаться своему духовнику – обязательная принадлежность дамы, как

золотая блохоловка и флакон с нюхательными солями – а кто-то да послушает. Может, и она сама, коли не занята будет.

Софье надо было оценить саму женщину. И результат был неутешительным.

Обидно – до слез.

Умная, красивая, властная, честолюбивая – какая была бы находка для команды! Но дама мыслит себя лишь в качестве польской королевы – и никак иначе. Марфу она на этом месте не потерпит.

– Жаль, что Михайло тебя собакам не скормил! Хотя псов небось пожалел – потравятся еще от такой суки!

Тетка Таня. Да, с таким характером ей на Сечи куда как лучше будет. Софья очень живо представляла себе тетку в роли атаманши. Это она запросто. А вот с такими, как Марыся...

Жаль женщину. Но травить ее придется. Либо морально, либо физически.

Если Ян Собесский выживет – отравим перед отъездом. Поговорим с Ибрагимом, пусть медленный яд подберет. Если не выживет – и отъезда ждать не будем. Потом Михайле покажем, что не уберегли... Авось простит?

Или даже травить не придется? А ведь идея...

Мария тоже ответила и достаточно едко, что таких манер царевна не иначе на псарне набралась. Софья подняла руку, требуя тишины – и впилась глазами в Марию.

– Сударыня, вы можете идти в свои покои. Вас проводят. При необходимости – обратитесь к служанкам, они передадут нам ваши пожелания.

Ее тон подействовал на взбешенную женщину, как ведро ледяной воды. Мария Казимира Луиза де ла Гранж д'Аркьен, пани Собесская фыркнула и ушла не прощаясь. Дверью тоже не хлопнула. Не рискнула.

– Жаль, – подвела итог Софья.

Царевны дружно согласились с ней, хотя печалились все о разном. Татьяна – что не казнили негодяйку вовремя. Анна – что не получится у них Марию к себе на службу поставить. Софья – что в очередной раз придется подписывать приговор и еще тратить время и силы. Никто не должен заподозрить неладного. Нет, даже не так.

Подозревайте!

Но доказательств быть не должно!

Это не Наталья Нарышкина, с французами им еще работать придется...

А еще...

Софья уже мысленно подбирала подходящую кандидатуру. Надо, надо подсунуть Собесскому одну из своих девочек. И под присмотром будет, и потерю жены легче перенесет, а там, глядишь, и второй раз женится.

Кто же?

Ксения с черными косами и глубокими карими глазами? Но вспыльчива... иногда сама собой не владеет.

Мирослава – темная шатенка с синими глазами и невинной улыбкой? Как вариант, но влюбчива... Или это и не грех? Кто может вертеть влюбленным мужчиной? Только влюбленная женщина...

Или Ирина? Пухленькая хохотушка, лицом – почти вылитая пани Собесская?

Елена? Темноволосая и голубоглазая? Типаж вроде не тот...

Надо пока посмотреть на всех четверых, да и пусть учат польский и французский как следует. А там... решим. Будет выбор – будет и дело.

* * *

Версаль.

Хотя работы в резиденции французских королей еще продолжались, но жить там уже было возможно. И Людовик обожал это место. Здесь, именно здесь, он чувствовал себя дома. Не в Париже – слишком памятли были детские годы, Фронда, Мазарини, которого он ненавидел...

Нет. Именно не опоганенный воспоминаниями Версаль.

И сегодня полувесеннее солнышко, уже яркое, но пока еще холодное, заглядывало в роскошное окно, игриво касалось лучиками позолоты на столе, на стенах... Солнечные зайчики были веселыми и беззаботными. А лица людей, сидящих в кабинете, – очень серьезными.

Людовик XIV, которого уже начинали звать «Король-солнце», внимательно слушал своего интенданта финансов – Жан-Батиста Кольбера.

И доклад был нерадостным.

Людовику нужны были Нидерланды, с которыми он воевал не один год. Но ни оным Нидерландам, ни Вильгельму Оранскому он не нужен был ни в каком виде. Война высасывала время, силы, а главное – деньги, которых и так не было. Долги Франции составляли бешеные суммы – миллионы и миллионы луидоров.

Кольбер справлялся, как мог, заслужив всенародную ненависть, но что он мог сделать?

Если бы придворные не воровали, фаворитки – особенно мадам де Монтеспан – не тянули деньги на свои развлечения, словно водоворот, а король не требовал роскоши и пышности – интендант справился бы. Финансистом он был от Бога. Но...

Сейчас Кольбер докладывал о сложной ситуации. В Турции сменился султан, но это было половиной беды. Второй половиной было то, что северный медведь показывал зубы.

Вильгельм Оранский успешно отбивался и вскоре должен был подавить восстание окончательно.

Турок вышибли из Польши и, судя по всему, собирались оторвать от них еще кусок мяса. Людовик слушал задумчиво.

Турция была ему выгодна. На море этот союз давал отличные результаты – против испанцев, австрийков... да всех, кто мешал Франции. Но вот помогать ли им в беде?

А зачем? Перебьются. Османская империя достаточно сильна.

А Франции? Выгодно ли им ослабление турок?

О да! Тут уж каждый сам за себя! Пока Османскую империю будут рвать со всех сторон, Франция окажет ей помощь но... в Европе! Например, со Священной Римской Империей. Людовику весьма важна была выгода государства. Пусть турок как следует потреплют – тем больше они будут потом ценить союзника. А разорвать? Нет. Русский медведь не настолько силен, чтобы одолеть Империю!

В то же время у него есть общий интерес с Русью.

А именно – Вильгельм Оранский.

Русь далеко, между ней и Францией есть поляки, так что нападения можно не опасаться. Да и к чему ему та Русь?

Она богата, но если удастся оттеснить англичан и голландцев, если через поляков можно будет торговать, на что недвусмысленно намекал русский дофин, то Франция получит куда как больше выгоды. И с молодым Корибутом можно иметь дело.

Вильгельм Оранский...

Сейчас он мешает политике Франции.

Людовик усмехнулся. Жестко, холодно...

Если он не может стать другом прекрасной и просвещенной Франции – значит, его не должно быть.

Справедливости ради Людовик был не одинок в своих мыслях.

Вильгельм тоже задумывался о дружбе с Русью. Но....

Ему было не до того. Слишком много забот было в родном королевстве, слишком тяжело ему приходилось. Куда уж там на стороны глядеть?

Остальные же...

Медвежонок вылез из берлоги – и никто не обманывался пушистой шкуркой. Его рассматривали и думали, что выгоднее – получить с него мех, натравить на врага или сразу поднять на рогатину. Мнение медвежонка никого не интересовало.

Русские варвары...

Фу...

* * *

Остап внимательно оглядывал море. Вроде как и приказ у них был несложный – походить вдоль берега, разведать фарватер, но ведь тут же и турки шляются! Обнаглели, нехристи!

Ужо задаст им Иван Сирко! Ух как задаст!

Не было на Сечи человека более уважаемого, чем старый воин-характерник⁵.

А уж как не любил он турок с тех пор, как в одной из схваток сложил голову его сын Петр! Глотки бы зубами грыз!

И в поход пошел доброй волей и с радостью, а с ним и войско Запорожское! Кто ж такого атамана послушается? Это, почитай, удачу потерять, а что казак без удачи? Сирко, говорят, сам черт не страшен... Остап быстро оглянулся – и перекрестился. И тут же – словно нечистый ему глаза отводил – и заметил!

Парус на горизонте!

Схватил подзорную трубу, пригляделся...

Галера! Да не одна... двое турок идут вдоль берега...

– Скидывай мачту!!!

Рев Остапа разнесся на несколько чаек окрест, и казаки ринулись работать. А то как же!

Они-то из воды выступают на два локтя, так что заметить их сложно. А вот сами – видят. Сейчас парус уберут, и...

– Давай вон туда, ребята!

Остап махнул рукой, задавая направление. Точного курса не было, но галеры шли на восток, а это вообще чудесно. Теперь до конца дня чайки будут следовать за галерами, держась с солнечной стороны. Поди, разбери, что там, на воде, то ли лодка, то ли блик, парус уже положили... Не заметят нехристи поганые! Не в первый раз то проверено!

Да и сам Остап сомнений не испытывал.

Две галеры? Восемь чаек?

Бить или не бить? Разумеется, бить! Это вам не Шекспир, тут сомнения ни к чему!

Да и не так уж много продержаться осталось – всего-то часа два, – а потом и солнце сядет. Только вот галеры тут себя в безопасности чувствуют. Ну оно и понятно. Казаки ж только пришли, вот и не успели поучить лиходеев! На то Иван Сирко с волком и побратался, чтоб у нехристей медвежья болезнь случалась!

Естественно, два часа казаки продержались. На галерах было спокойно, никто не суетился, не готовился к бою, не бегал...

Где-то за полчаса до захода солнца казаки постарались подгрести поближе, хотя потерять галеру было сложно – на ней зажгли огни. Опять же в ночи по воде звуки далеко разносятся, а понятие «режим тишины» в обиход еще не ввели. Так что казаки, конечно, подкрались поближе, примерно на пару километров – и стали ждать уже все вместе.

К галерам они погребли ближе к полуночи. Тихо, страшно, молча...

⁵ По преданию, Иван Дмитриевич действительно считался кем-то вроде колдуна. (Прим. авт.)

Восемь темных призраков выметнулось из темноты, окружая турецкие корабли. Команда поделилась на две части – одна половина гребла так, что только весла трещали, молча и яростно, а вторая сидела в лодках, разматывая веревки с крючьями, уже готовая к бою... И какой же неожиданностью стало для турок, когда по бортам галеры застучали десятки крюков!

Каждая чайка без натуги несла 50–60 человек, поэтому почти сто крючьев впилося в борта что одной, что второй галеры... Словно простучал коротко и сухо смертельный град.

Какое там воевать!

Проснуться половина не успела!

Казачи уже не молчали. Они шумели, они орали, они вырезали всех, кто встретился им на пути. Прижались к веслам и нырнули под скамейки прикованные гребцы, ужасаясь ярости нападающих. Вышел из своей каюты капитан – и тут же упал с чьим-то ножом в горле. Капитана второй галеры все-таки соизволили рубануть саблех. Тем паче, что турки не гасили фонари на галерах... Куда как удобно для казаков, чьи глаза привыкли к темноте – и теперь турки представляли для них роскошные мишени.

А вслед за первой партией лезли и гребцы, собираясь поучаствовать в развлечении. В каждой чайке оставался, дай Бог, десяток человек – и весьма этим недовольных! Такое развлечение мимо проходит! Ну да ладно, следующий бой – их!

Уже через два часа все было кончено⁶.

На галерах практически не осталось живых турок – так, человек пять, в качестве «языков». Сдать на руки Ромодановскому – пусть допрашивает. Просил ведь, ежели получится, кого захватить... ну так для хорошего человека и не жалко!

Остальные были грубо обшарены, раздеты – а чего добру пропадать? – и скинуты за борт. Казаки обшаривали трюм, не особо покамест разговаривая с прикованными рабами – потом. Свой карман – он завсегда ближе к телу, чем чужие нервы. Хотя и видели, что рабы дрожали. Как же ж! Про казаков такие слухи ходили, что самим иногда страшно становилось! Здоровы ж эти европейцы брехать! И глотки-то казаки зубами рвут, и режут всех, кого ни попада, и корабли на дно пускают с прикованными людьми...

Разве что новорожденными младенцами казаки не питаются, ну так это еще впереди! Авось придумают!

Вот и пусть чутка подрожат!

Так что Остап молчал до последнего. И только когда забрезжил рассвет, кивнул Дмитро: – Переведи им. Доведем корабли до Азова – там раскуем их. Получат жизнь и свободу.

Дмитро послушно перевел, но радостных воплей не дождался. Не верили. Ну и не надо, что он – убеждать их будет?

Сами поймут. Когда все сбудется, тогда и поблагодарят. А пока пусть слушаются и лишних хлопот не добавляют!

Ромодановский был весьма рад еще двум галерам – в хозяйстве все пригодится. А турки быстро начали себя чувствовать весьма и весьма неуютно. Казаки не собирались давать им спуска и даже если по нехватке сил не решались идти на абордаж, все равно умудрялись напасть – подкравшись и от души обстреляв галеру.

Вольной турецкой жизни приходил конец.

* * *

Михайла Юрьевич Долгоруков смотрел на монаха злобными глазками:

– Говоришь, ведомо тебе, кто отца моего сгубил?

⁶ Нечто подобное описывал г. Левасер де Боплан, франц. инженер на службе у поляков (1600–1673). Насколько он приврал – не знаю. (Прим. авт).

– Ведомо, князь. И ведомо, почему того убийцу не нашли.

– Коли узнаю, что лжешь ты мне...

– Коли хотел бы солгать – не пришел бы я к тебе сам, князь. Но в то время государь мне доверял, советовался...

– А сейчас терпит с трудом.

Симеон Полоцкий склонил голову. Это верно, у царицы он впал в немилость, а царь ей во всем потакает, потворствует бабской глупости! Нет бы прислушаться к мудрым словам, тогда б и не пришлось...

Ладно. Не о том речь.

– Что верно, то верно. Я в монастырь уйти хочу, но до того должен душу облегчить. Грех на мне, знал я об убийстве твоего отца – и не предотвратил.

Налитые кровью глаза Михайлы злобно блеснули:

– Кто?!

– Сам государь.

– Лжешь, собака!!!

Симеон спокойно, хоть и стоило это немалых усилий, выдержал бешеный взгляд, покачал головой:

– К чему лгать мне, князь? Тем более – так?

Михайла задумался, а Симеон продолжил плести паутину лжи. Юрия Долгорукова, по его словам, отравили. И приказал то сделать царь, который решил, что после польских побед Юрия на место поставить не удастся. Казнить и не за что, а Романовы куда как худороднее. Вот и взял грех на душу...

Кто сделал?

По приказу царя – Ордин-Нащокин. Не по норову ему был Юрий Долгоруков. Слишком умен и силен, слишком любим в армии, слишком стрельцы его уважали...

Михайла слушал, стискивал кулаки – и видел Симеон, что верят ему, еще как верят! Люди вообще склонны верить в худшее. Тем более, он столько времени пытался доискаться до истины...

– Ты-то, князь, при царе безотлучно, а вот отец твой...

– Отца я и царю не прощу, – выдохнул мужчина.

Симеон внутренне собрался.

Не простишь, конечно. Мы все сделаем, чтобы не простил. А поскольку ты к царю приближен, то и сделаешь все необходимое.

А вот как сделаешь...

Начиналась более жестокая политика. Сильная Русь – а одолев крымчаков, она бы стала куда сильнее – не нужна ордену иезуитов. Слишком опасно для них было православие.

* * *

– Григорий! Слов нет! Отец в восторге будет!

Алексей Алексеевич хвалил от души, уважительно именуя Ромодановского не Гришкой, а Григорием, – и боярин это оценил. Да, такое было у царей в обычае, боярина запросто могли назвать Ивашкой, и кинуть в него чем потяжелее, и царской ручкой за вихры оттащить... Алексей не стал бы исключением из царственного правила – постаралась Софья. Она и внушила брату когда-то, что бояться люди будут при такой манере, а вот уважения не дождешься. А ежели ты всегда вежество соблюдаешь, то гнев твой куда как страшнее им покажется.

Алексей послушался – и не пожалел. Но сейчас речь шла не о простой вежливости, нет! Ромодановского действительно было за что хвалить!

За осень и зиму тот крепко поработал над Азовом. Пролом в стене был заделан, насыпи восстановлены, перед крепостью устроена настоящая полоса препятствий – рвы, ямы с кольями, закрытые чем-то вроде легких настилов... если ехать по дороге – все было в порядке. Но когда это осаждающее войско только дорогами и пользовалось?

Судя по всему, Григорий спал по два часа в сутки, а остальное время трудился так каторжно, как и на рудниках не заставляют.

Азов тоже сиял чистотой и напоминал казарму. Улицы выметены, никаких пьяниц, ни драк, ни скандалов, ни лишнего шума – всяк знает свое место и занимается своим делом.

– Я старался, государь!

Алексей от души хвалил боярина, видя, как его лицо становится все более спокойным и довольным. А после обеда – короткого, без лишних этикетов, перешел к делу:

– Со мной тридцать тысяч человек. Двадцать моих, десять поляков.

– Я могу тысяч пятнадцать отпустить, – согласился Ромодановский.

– У меня пять тысяч с лихвой, – кивнул Степан.

И его, и Фрола, и Ивана Сирко, равно как и Косагова с Хитрово, Ордина-Нащокина-младшего – свой же человек, считай, родственник, дядя – и Ивана Морозова Алексей пожелал видеть за столом. А когда Ромодановский как-то неубедительно запротестовал, махнул рукой:

– Мы сейчас в походе, вот и считайте, что у походного костра. Там раскланиваться некогда...

Ромодановский едва не фыркнул в ответ. Да уж, видел бы ты, сынок, с каким обозом твой отец в поход ходил! Да как вокруг него столыльники-постельничие плясали, как повара павлинов готовили в соусе из соловьиных язычков!

А Алексей и правда не видел. Его-то походным премудростям казаки обучали, а у них просто – что на лошади увез, тем и пользуйся. А не увез – оно тебе и не надобно.

Так что обед быстро перешел в совещание. Степан и Фрол ждали команды, Сирко поглядывал хитрым глазом, пытаясь составить свое мнение о молодом царевиче, Алексей размышлял:

– Сколько народу мы сможем перевезти?

– Тысяч двадцать, не более.

– Та-ак...

На столе развернулась карта, и мужчины пристально вгляделись в нее.

– Азов. Наши ворота. – Алексей смотрел серьезно. – Я не обсуждал это ни с кем по пути сюда. И мой отец тоже не писал, потому что надо решать на месте. Это либо авантюра, либо...

– Государь?

Фрол не выдержал, видя, что царевич колеблется, за что тут же и получил тычок в бок от Ивана Сирко. Молчи, дурак, царевич глаголет...

Мысль о том, что царевич не обидится, ему в голову не пришла – не привык атаман к таким царевичам. Собственно, этот был первым и уникальным.

– Наше войско здесь. И мы должны выбрать. Либо мы сейчас идем на ногаев и выбиваем их начисто. Черкесы нам не враги, зато с ногайцами не друзья, они нам помогут.

– Можно и так, – кивнул Степан. – Это, я так понимаю, не авантюра? Да, государь?

– Это – тихо и мирно. Татары туда не полезут, а полезут, так получают со всех сторон, турки нам сильно мешать не будут, а уж потом укрепимся, что-нибудь напротив Керчи воздвигнем...

Взгляды мужчин были весьма скептическими. Царевич тоже усмехнулся:

– Долго, дорого, неудобно. Это первый путь. Но есть и второй.

Алексей помолчал, собираясь с духом. Сейчас он собирался предложить страшную авантюру, после которой турки на них просто рухнут всей империей. А может, и не рухнут. Их уже о том годе потрепали, да и вообще – Османская империя сильно напоминала старого дряхлого льва, который мог страшно достать когтями, но мог при этом и сдохнуть. От дряхлости.

– Да. За это время османы придут в себя, татары придут в себя, начнут воевать Азов обратно... Григорий?

Взгляд Ромодановского был весьма красноречив:

– Из степи идут дурные вести. Селим-Гирей собирает войска, скоро под нашими стенами окажутся татары и турки.

– Много ли?

– Как я понял, не особенно. Достаточно, чтобы мы не могли делать вылазки в степь, как раньше. Сами же османы сейчас собираются на Крит. Там вспыхнул бунт, в Дубровнике тоже полыхают пожары... одним словом, османы решили додавить венецианцев. Благо с тех есть что содрать, да и по площади куда как выгоднее.

– Если мы оставим тысяч двадцать? Отобьетесь? Прокормишь?

– Прокормлю, и сорок тысяч прокормлю. И отобьемся. А остальные куда ж пойдут?

В синих глазах Алексея блеснула шальная искра:

– А остальные... мы пойдем водой к Керчи. Сколько на корабли влезет. Остальные – вдоль берега, переключаясь с кораблями, разоряя все побережье и вырезая татарские поселки. Хватит, пожировали. Керчь надо будет взять.

– Государь!

Алексей пожал плечами в ответ на шокированный возглас Косагова:

– Ее просто не пытались взять. С нашей стороны. Она укреплена с моря, а ежели подойти с суши, высадить десант – не так там все и страшно будет. Переправимся и захватим Тамань. А потом от Керчи пойдем опять вдоль берега. Кафа, Бахчисарай – и Перекоп. Ежели мы захватим эти точки, тоотрежем туркам все пути.

– Государь, они ж на нас...

– Они и так нападут. Но... если мы выполним этот план – нам будет чем с ними торговаться. Отдадим обратно Бахчисарай и Кафу, пусть радуются. Но остальное... нет уж! И начнем выжимать татар с *нашего* полуострова.

Несколько минут все молчали. Потом кашлянул Иван Сирко:

– Государь, дозвольте?

Алексей кивнул. Мол, позволяю, говори...

– Может, сначала тогда не на Керчь идти? – Желтый, заскорузлый от табака палец характерника заскользил по карте. – Вот здесь, вдоль северного берега, мы можем доплыть до входа в Сиваш. Наши чайки там пройдут. А мы высадимся на берег и тоже пройдем... тут, конечно, «Гнилое море», ну да расстояние невелико. И дойдем, и возьмем, коли прикажешь...

Алексей прищурился:

– А сколько народу при этом поляжет?

– Многовато, государь. Так ведь за свою землю жизни отдадим, не за чужую...

Намек был ясен. Алексей медленно кивнул:

– Да, ежели удастся... тут без казаков никуда. Скажем, Засечный полуостров? Тут войск держать придется много, ну да ладно, своя земля, не чужая...

Намек был понят правильно. Ежели так получится, что план осуществится – никто казакам препятствий чинить не будет. Пусть обживаются, пусть гонят прочь татар, пусть укрепляются... но под русской дланью. Мягкой, но... не отдельное государство, а провинция в общем составе. Впрочем, при наличии на троне Алексея Алексеевича, казаки не возражали. На Сечи уже все знали, что с молодым царевичем можно дела делать...

– Но это часть. Остальные на чайки не влезут... тысяч бы десять прошло?

– Меньше, государь. Но остальные войска пройдут на Керчь, как ты и хотел.

– Раздробить силы? А продержитесь?

Сирко пожал плечами:

– Понадобится – мы все там ляжем, зубами вцепимся!

Алексей покачал головой:

– Нет, так не пойдет. Мне не смерть ваша нужна, а жизнь и служба. Я своих людей не размениваю...

– Тогда, государь?..

– План твой хорош, Иван Дмитрич. – Присутствующие даже замерли от неожиданности. Чтобы царевич, да с отчеством, так вот к казаку обращался? Но сам Алексей над этим и на миг не задумывался. Он уже оценил гетмана войска Запорожского и не видел в том ничего для себя зазорного. Этот мужчина больше боев повидал, чем Алексей – месяцев. Есть за что уважать. И сейчас... готов ведь голову сложить... за что?!

За Русь, которая ему хоть и не чужая, да и не своя! Понял просто, что так надобно – и идет!

– Вы вперед пойдете и Перекоп захватите. С той стороны к нам на помощь поляки идут. Вот они там и останутся, да еще и вылазки совершать будут, чтобы как следует татарву потрепать. А вслед за вами, по берегу, чуть медленнее, чтобы не измотаться, пойдет полк Хитрово. Справишься, боярин?

– Приказывайте, государь, – исполню.

– А части Косагова пойдут вдоль побережья. Впрочем, с десятков чаек я у вас заберу. А ты, Иван Дмитрич, пройдишь в порт, посмотри, какие корабли взамен сгодятся? Потому как не хочу я казаков одних на Перекоп слать...

– Не доверяешь, государь?

Вопрос вроде был задан с подковыркой. Но это ежели не видеть веселых искорок в глазах Сирко. Алексей и не увидел – опыта пока не хватало. И повелся...

– Мне всех своих людей жалко. Понимаю, что иначе нельзя, но чтобы одних казаков на передовую... нехорошо это. Неправильно...

Сирко задумчиво кивнул. М-да, когда это русских царей такие вопросы волновали? А этот по чести поступить старается...

– Схожу, присмотрю...

– Тем паче, стараниями казаков у нас куда как кораблей прибавилось, – буркнул Ромодановский. – Команд не хватает – а они галеры захватывают!

– Так неужто ж их обратно туркам гнать? – В глазах Алексея тоже заплясали веселые искры. – Э, нет. Если и отдадим – то пару, не более. Есть такое слово – брандер.

Слово знали все присутствующие. И обсуждение деталей продолжалось достаточно долго. Только через три дня были окончательно расписаны все роли – кто, что, куда... И чуть отдохнувшие войска ушли из Азова.

Печальным взглядом провожал их Григорий Ромодановский. Как ни рвался он в поход, но его все одно решили оставить на хозяйстве. А кто лучше его знает обстановку?

Кто лучше его знает крепость, в которой перезимовал?

Впрочем, это-то полбеды, но грусть боярина вызвало еще и отсутствие «троянских коньков». Царевичевы воспитанники уходили вместе с войском. Кто с казаками, кто на кораблях, но уходили. В ноги царевичу падать готовы были, чтобы не оставлял их в тылу, дозволил на нехристей идти... а без них ведь сложнее придется.

Эх-х-х...

Впрочем, долго грустить боярину не пришлось. И месяца не прошло, как под стены Азова явились долгожданные гости – татарва с турками!

* * *

Кофе был вкусным, фрукты – свежими, а кресло – мягким. Можно себе позволить расслабиться ненадолго. Секунд на десять.

Васька и позволил. Пока в кабинет не вошла та, кого они ждали.
Государыня Софья.

Тогда он встал и поклонился. Не в пол, просто – уважительно. Наедине от своих тщательного соблюдения этикета не требовалось. Так же поклонилась и девушка, которую вызвали одновременно с ним. Софья чуть склонила в ответ голову, принимая их уважение.

Васька смотрел на царевну спокойно. И так же смотрела сидящая рядом с ним девушка. Он ее знал.

Рада.

Одна из немногих, кого он даже чуть побаивался. Хитрая, умная, что та лисица...

– Ребята, у меня для вас задание.

Царевна была серьезна и сосредоточенна. Что та стрела, которая уже сорвалась в полет – она вся движется к цели, не отвлекаясь на постороннее.

– Слушаем тебя, государыня?

Рада пока молчала. Она вообще не любила много говорить – не по делу. Вот если требовалось – тут она могла и священника переговорить, и торговый ряд переругать. Но это – по надобности. А просто так, ради пустой болтовни, от нее никто слова лишнего не слышал.

– Вы поедете спешно до Архангельска. Там сядете на корабль, который вам укажет наш человек. Будете представляться семейной парой. Молодой купец поехал торговать – и взял с собой жену, не желая расставаться с любушкой. На корабле вы доплывете до Нидерландов. Я хочу, чтобы вы убили Вильгельма Оранского. Он сейчас в Амстердаме. Заподозрить в этом должны французов.

Ванька выслушал с непроницаемым лицом.

Да уж, скажи кто мальчишке такое еще лет десять тому назад...

А вот случилось же!

Сначала-то Васька учился по общей программе. Но потом...

Потом наставники заметили у него талант к стрельбе из любого оружия – хоть лук, хоть арбалет, хоть аркебуза. Идеальный глазомер, талант к оружию, а еще – Васька оказался одиной. Лучшие результаты он показывал один. Нет, в команде он тоже работал, но как-то незаметно уходил на второй план. А вот если требовались результаты именно от него... вот тут он раскрывался с новой стороны, работая вдохновенно и упорно.

Об этом было доложено царевне Софье.

Та подумала...

И приказала Ваську – и с ним еще шестерых ребят и девушек готовить именно так. Еще и смеялась – мол, подразделение ассасинов.

Ребята и не обижались.

Охотники, да. Но – на человека. А думаете, это легко?

Почему кабаньими головами хвастаются, хотя что может тебе противопоставить кабан или медведь, а вот этим – нет?

Ответ прост.

Боятся.

Человек может обернуть свое умение и против своего учителя. Хотя Васька знал, что никогда ничего во вред государю не сделает. Неблагодарность – грех смертный, такое и на потомков падет...

– Мы вдвоем? – просто спросила Рада.

– Да. У вас будет поддержка, но работа ложится на ваши плечи.

– Если нам кто-то понадобится?

– Решайте здесь и сейчас.

– Если мы попадемся?

– Вы знаете.

Смерть – и только смерть. Лучшее, что мог сделать пойманный убийца. Они знали об этом и не обошлись. Вася и Рада переглянулись. Они понимали, что царевна ничего им не сделает, что это приказ, но... Да, они могут отказаться, если это – не по силам.

Но...

– Мало данных.

Софья выложила на стол пачку листов.

– Читайте. Тут все, что мы собрали на Вильгельма. Я вас оставлю на три часа, потом хочу получить ответ. Хватит времени?

Ребята переглянулись, кивнули...

– Да, государыня.

Софья перевернула колбу песочных часов и мягко прикрыла за собой дверь.

В ответе она и не сомневалась, но хорошо, что ребята думают.

Они обязаны справиться. Они – справятся.

Она не сомневалась в полученном ответе ни сейчас, ни спустя три часа, выкладывая на стол деньги и оружие.

Прости, Вильгельм.

Прощай, Вильгельм.

* * *

Иван Сирко хищным взглядом смотрел вперед. На Перекоп. На крепость.

С севера это был большой участок Перекопского вала между двумя круглыми бастиями. В центральной части бастии на юго-западном и юго-восточном углах крепости располагались круглые многоярусные башни. Две большие – вздымались над самой крепостью, а за ними виднелся палисад с прямоугольными башнями поменьше. С запада, юга и востока крепость защищали рвы и валы с каменной облицовкой и зубчатыми парапетами. В центральной части куртин располагались башенные ворота, углы крепостных валов замыкали небольшие прямоугольные башни. С юга к крепости и к большому Перекопскому валу примыкал прямоугольный форштадт, защищенный рвом и валом с крупными и малыми строениями внутри укрепленной территории и весьма далеко выдвинувшийся за пределы рва и вала.

Одним словом – неприступно.

Было.

Сейчас в крепости – тысячи три янычар. А у него более семи тысяч воинов. И словно мало им такого перевеса, есть и кое-что еще...

Иван пристально поглядел на отирающегося рядом с ним паренька.

– Говоришь, гореть будет?

– Так точно, будет! Ничем не потушат.

«Троянский конек» Семен смотрел прямо и открыто. Да уж... греческий огонь водой не зальешь. Сами попробовали, потом таких... лещей от сэра Исаака получили, что неделю ухи красные были. И царевич не заступился, куда там! Ругался на чем свет стоит, объясняя, что это для них же опасно. И нечего свою жизнь так бездарно класть! Коли уж так хочется – разбегайтесь, да башкой об дерево, авось его не попортите!

Ребята не обижались, царевича можно было понять. За них же беспокоился.

– Ну, тогда показывай, что да как!

Показать было несложно. Кувшин удобной формы с ручкой и фитилем, внутри – адская смесь. Специально двух видов делали. Есть те, что для моря – там фитиль и не надобен, на воде само полыхнет. Есть те, что для суши. Вот там – да. Поджечь – и кинуть. Как разобьется – так и разольется, и вспыхнет...

А что?

Делать несложно, сырья хватает...

Иван Сирко оглядел своих ребят. Да и не только своих. Три тысячи казаков, четыре русских... с такими ребятами да не взять тот Перекоп? Они сейчас так турок напугают – те еще год штаны не отстирают!

В первых рядах пустим своих казаков, в которых уверен, следом пойдут «огнеметы», а за ними и русские. Но не все.

Иван кивнул капитану Семенову, который находился рядом:

– Капитан, на тебе задача взять человек с пятьсот – и пошуметь на правом фланге. Орите, стреляйте, на укрепления лезьте, но шибко не подставляйтесь. Пусть думают, что мы там штурм начнем.

Капитан кивнул. Попробовал бы он не согласиться! Командует Иван Сирко? Вот он и командует! Царевич приказал. Да и сам атаман... поди, не послушайся такого, рубанет от плеча до пояса... волчара желтоглазый.

На рассвете начался штурм Перекопа.

На правом фланге русские под командованием капитана устроили зверский шум. Было полное ощущение, что там собираются ворваться в крепость. Иван Сирко наблюдал за турками и, когда те сгрудились на правом фланге якобы для отражения русской атаки, махнул рукой.

– Па-ашли!!!

Казаки ринулись вперед, словно голодные волки. Серыми страшноватыми тенями мчались они ко рву, который, на их счастье, оказался сухим, перекидывали заранее приготовленные доски, бросали фашины, протягивали друг другу руки... ров был форсирован так быстро, что Семен только что рот открыл. Иван Сирко сжал кулаки.

Эх, ему бы сейчас туда, рвануться в первых рядах... да нельзя.

Командир не рубит, командир командует.

Пушки, хоть и было их не слишком много, вели уверенный огонь по противнику. Да противник был такой...

Сотни лет никто на тот Перекоп, как надобно, войной не хаживал, откель же им привыкнуть было?

Казаки тем временем форсировали ров и взлетели на насыпь. И уже оттуда принялись швырять во двор крепости глиняные кувшины.

И вот тут понесся такой вой, что мальчишка зажал уши, а Иван Сирко, напротив, оскалился, усмехнулся зло и хищно...

Жалеть турок?

Татар?

Смеетесь вы, что ли, над честным казаком?

Ударяясь о землю, кувшины разбивались, содержимое их вытекало, разливалось горящими лужами, цепко хватало за ноги, взбиралось по одежде, перепрыгивало на других людей – и скоро во дворе крепости метались несколько живых костров, вызывавших безмерный ужас у обороняющихся...

Не так много было тех кувшинов, менее сотни, но эффект был... страшный.

Не привыкли турки к такому – вот и защититься не смогли.

Страшно...

А казаки прыгали вниз – и шла жестокая сеча, в которой не щадили никого. Блестели хищно сабли, лилась кровь на камни... и турки быстро начали отступать к крепости, где и забаррикадировались.

Казаки же занимали брошенные укрепления, добывая тех, кто пытался сопротивляться. Наконец турки остались только в одном месте – в крепости. И тут уж переговоры взялся вести атаман.

На турецком Иван Сирко говорил вполне неплохо, да и понимал, а потому в толмаче не нуждался.

– Эй вы, шакалы, – загремел его голос. – Либо вы выходите и сдаетесь в плен, либо я возьму вашу башню, а всяк, кто поднимет оружие, будет уничтожен.

– Ты кто таков будешь, чтобы Арслану-паше условия ставить?!

– Казачий атаман Иван Сирко!

Судя по молчанию, имя вызвало страх среди обитателей крепости.

– Мы здесь долго просидеть можем, – раздался чей-то голос из башни. – Припасов хватит. Иван хищно ухмыльнулся.

– А у нас огня хватит. Да такого, в котором и камни горят. Обстреляем, так и стены ваши долго не простоят! Хотя и крепки они, да мы покрепче!

– Мы сдадимся, а вы всех перебьете!

Иван усмехнулся.

Ну все, считай, как только допустили мысль о сдаче – точно сдадутся. Это уже торг, не оборона...

И ведь пушки у них есть, хоть бы что попробовали сделать...

Тьфу, нехристи!

Он ведь бывал здесь, и десяти лет не прошло, а вот довелось вернуться. Да по такому радостному поводу! Давно пора Крым своим сделать!

К вечеру были обговорены условия сдачи. Около двух тысяч турок выходят, а казаки честь по чести отпускают их. Но без пушек и огнестрельного оружия. Сабли и кинжалы – пусть оставляют, но не более того. Куда идти?

Иван сказал бы – куда, но... не стоило унижать себя руганью.

Так что дадим вам корабли – и катитесь себе к чертовой бабушке на потребу! Не поместитесь?

Так вы ж пленных гребцов оставите, сами на весла сядете – и будет сплошное благолепие.

А иначе никак! Никто вам души христианские не оставит, скажите спасибо, что корабли даем!

Конечно, условия были не царские, но вполне приемлемые – и турки согласились на них. Тем паче, что слово и имя Ивана Сирко им хорошо известно было. Равно как и то, что слово свое старый характерник не нарушал никогда.

С рассветом начался их исход из крепости. Они выходили из крепости, проходили мимо казаков, которые стояли с оружием на изготовку, грузились на корабли, на которых уже расковали всех гребцов и даже – а чего? не оставлять же! – сняли пушки, потом один из кораблей отплывал – и принимались загружать следующий.

Четко, спокойно, без суеты...

Когда все турки отчалили, отряд казаков в две сотни человек направился осматривать крепость – мало ли какой сюрприз устроили подлые нехристи?

Но все было чисто и тихо. Видимо, турки просто не сочли положение достаточно серьезным. Доходили ведь сюда уже казаки, и Ивана Сирко тут с прошлого раза помнили... и что?

Огневаются султан – и отдадут все обратно христианские свиньи, еще и кланяться будут! Так чего свое имущество портить?

У казаков было иное мнение, но турок они просвещать не торопились. Перебьются.

Оставив в крепости полторы тысячи человек и почти тысячу бывших пленных под командованием своего сына Романа – и наказав ему держаться и держать всех в строгости, Иван Сирко отправился к Кафе, которую уже брал.

Настало время повторить веселье. Интересно, кто первый доберется до Бахчисарая? Он – или Алексей Алексеевич?

Ивану было искренне интересно! В кои-то веки он воевал, будучи уверен в своих победах. Их не пустят по ветру!

* * *

Григорий Ромодановский смотрел со стены на татарское войско, но тоски не испытывал. Явились?

Ну, так здесь и поляжете! Сколько их здесь вприглядку? Тысяч десять турок да двадцать – татар. Много ли? Может, и много, но не когда у тебя пятнадцать тысяч в крепости сидит! И так бы отбиться хватило, чай, отражать – не захватывать, а ведь и кое-какие козыри есть!

А еще, судя по символике, здесь сам хан. Ну... тем лучше! Обезглавленное войско – хорошо, обезглавленная страна – еще лучше. А пара сюрпризов у них есть, спасибо царевичу. На татар хватит.

Ромодановский ждал.

Ждал, пока к стенам не подъехал какой-то татарский мурза, ждал, пока не протрубили трубы, вызывая на переговоры. И только тогда кивнул. Теперь затрубили уже и на стене. Заплескались по ветру знамена.

Вперед выехало около десятка татар в раззолоченных одеждах, на горячих красивых конях, с драгоценным оружием...

– Эй, русский, с тобой желает поговорить великий хан!

Григорий молча ждал, пока не перечислили титулы великого хана и не огласили предложение.

Русским вменялось сдать крепость и выйти без оружия, после чего быстро убраться к себе и не показываться тут больше. Все, что есть в крепости, – в ней же и останется. Надо бы их вообще в рабство оборотить за коварные нападения на стойбища, но хан милостив. Так что проваливайте, пока вас палками не погнали!

Ромодановский молчал еще несколько минут. А потом издевательски рассмеялся:

– А у меня свое предложение! Мой государь предлагает крымскому хану сдаться! Тогда он будет доставлен прямиком к своему владыке-султану. В противном случае мы огнем и мечом пройдем по вашим землям за все века, когда вы разоряли наши земли! И пощады не будет!

Закричал что-то угрожающее переводчик. Но Ромодановский не слушал. Неинтересно.

– У вас три дня. Потом мы уничтожим ваше войско!

Хан что-то промолвил. Тихо, но было видно, что он в ярости. Отлично, этого Григорий и добивался.

– Через три дня вас погонят плетками на рабские рынки Кафы!!!

Ромодановский сплюнул вниз со стены и ушел. Чего с татарами разговаривать? Их бить надобно!

* * *

Штурм начался на рассвете. Татары ожесточенно стреляли из пушек. Но кто бы подставлялся?

Азов покамест не отвечал, хотя мог, еще как мог. Но – зачем?

Все было задумано интереснее.

И вот наконец татары бросились на приступ. Вот и ров... сухой? Валяются внизу какие-то деревяшки... к чему?

Татары закидывали его фашинами, и вот, уже, еще...

Во рву взметнулось пламя.

Яростное, бешеное, жестокое, в единый миг охватившее все фашины и тех татар, которые не успели отскочить. Ничего сложного тут не было. Просто продукты перегонки нефти были в большом количестве. Вот их и налили на дно рва чуть загодя. Прикрыли, чтобы не размыло, добавили промасленных тряпок, хвороста... а загорается это все в единый миг!

И ведь не потушишь просто так...

Почти сотня живых факелов с диким воем каталась по земле, поджигая тех, кто рисковал приблизиться, в воздухе запахло паленым мясом... и вот тут-то вступили пушки Ромодановского.

Совсем небольшие, корабельные, большая их часть вообще стреляла картечью, но сила была в другом. Пушки были установлены – и пристреляны именно в тех местах, на которых стояли. И палили они не куда понравится, а четко по квадратам.

А что такое картечь?... Это раненые, убитые, искалеченные люди, это стон и плач, тут и силы большой не надобно. Тем более что, глядя на сгорающих заживо, замерла большая часть татарского войска. Лупи – не хочу. Чем пушкар и воспользовались.

Волна татар отхлынула, оставляя на земле убитых и раненых. И с новыми силами пошла на приступ. На этот раз во рву ничего не полыхнуло. Ромодановский подумал, что надобно бы ночью послать туда кого по потайному ходу. Пусть еще земляного масла зальют, раз уж оно так татарам понравилось. Приветим гостей дорогих!

На этот раз пушки лупили с обеих сторон, но у осаждаемых было преимущество. Они знали – как, куда, они били почти вслепую, из-под прикрытия толстых зубчатых стен, им даже не надо было высовываться. Они знали – куда.

Татарам же требовалось пристреляться, а при точности их пушек ущерба они много не наносили. Так, в паре мест.

Но до стен таки добрались – за что тут же и поплатились.

Ой, не просто так ходили всю зиму лады, не просто так не останавливались кузницы. Не просто так тратились бешеные деньги...

Мало завоевать – ты еще удержи!

Наверное, хан весьма удивился, когда его воины, то один, то другой, принялись падать на колени, воя от боли. А объяснялось все очень просто.

Деревянные «ежи» с ходу и не увидишь. А вот ежели они заострены, ежели у них металлические наконечники – в ногу вопьются очень даже запросто. Пробьют сапог и нанесут рану.

Не опасную?

Была б она не опасной! Но там же грязи будет! Считай – ногу человек потерял! Горячка, заражение крови, муки, боль... именно то, что пугает всех воинов больше смерти.

Конечно, штурм захлебнулся второй раз. Попробуй подберись к стене не опрометью, а внимательно глядя под ноги, тщательно прикидывая, куда бы наступить, да если еще со стены цинично кидаются камнями и стреляют из пушек. Картечью.

Хан отдал бы и еще приказ, но, судя по всему, турки не собирались ему повиноваться. А татары...

Конница?

Почти без доспехов?

И штурмовать крепостные стены?

Дураком Селим-Гирей не был никогда. Он отдал приказ остановить наступление и принялся подсчитывать потери. Ромодановский тоже подсчитывал их со стены и усмехался.

Более тысячи человек убитыми и ранеными. То есть убитыми не более сотни, но остальные-то! Дай бог, половина от ран оправится, а в строю и того не останется. Да и боевой дух упал ниже низкого.

Теперь они попробуют штурмовать иначе – копать рвы, подводить мины... так ведь и для этого способы есть!

Что ж мы, гостя не приветим?
Так отпотчует, что на своих не уйдет!
Слова с делами у Ромодановского не расходились никогда. И в этом случае тоже.
Откуда берется вода для питья? В основном из Дона, но из него так просто не попьешь,
надо вином либо уксусом разводить.
А еще?
А из колодцев...
Заботливо оставленных по принципу – пейте, не подавитесь! Еще когда их перетравили!
Так что уже к утру Ромодановский наблюдал со стены первый результат – дикое количество мающихся болями в желудке лошадей и татар. И думал, что концентрация отравы таки слабовата...
Самое время ночью будет для вылазки.

* * *

– Присядь, старец, побеседуй со мной.
Симеон поклонился государю, послушно присел на стульчик из дорогого рыбьего зуба.
– Поздорову ли, государь?
– Да возраст уж... – Алексей Михайлович чуть смущенно улыбнулся. – Любавушка все ругается, чтобы я берег себя, а как тут обережешься? Когда сынок невесть где?
– Хороший у тебя сын, государь.
Алексей Михайлович чуть усмехнулся:
– Жаль, что вы с ним не ладите.
– Не моя вина то, государь. Просто молод еще царевич.
– Ну, на то и будем надеяться.
– Государь, разумно ли турок тревожить? Самим льву в пасть лезть?
Алексей Михайлович пожал плечами под узорным кафтаном – чай, не тронный зал, можно и снять ризы с бармами.
– Не мы к ним, так они к нам. А ведь и то верно, что лучше нам войну начать, чем их готовности ждать. Пусть на чужой земле пожары горят, не на православной.
– Прав ты, государь. Только боязно мне.
– А ты молись поболее, авось и сладится дело.
Симеон соглашался, говорил что-то умное и серьезное – и смотрел во все глаза на царя.
Вот он – владыка земли Русской. Царь, правитель, и власть его здесь чуть ниже Божьей.
И – все. Он ведь и не знает, что его жизнь – в руках Симеона.
А вот Симеон знает.
Одно движение – и ниточка перетрется окончательно. Сам же он ее и оборвет.
Это – власть.
Это – наслаждение, которого еще поискать. Воля твоя в человеческой судьбе. Вот государь – и что?
Кто ты, червь, пред властью ордена иезуитов?
Пусть наша власть тайная, но от этого еще более страшная и неумолимая.
Ничтожество...
Хотя ты еще и царь – и ты пока не знаешь о своей судьбе.

* * *

Михайла Юрьевич Долгоруков чуть сдвинул камень в перстне. Еще одна частичка отравы заняла свое место.

Крохотная. Совсем незаметная...

Кому легче отравить человека, как не доверенному стольнику? Подносишь вино – и пара белых крупинок падает в кувшин. Где без следа и растворяется.

Чем хорош этот яд – он медленный.

А еще – действует на сердечную жилу, сворачивает и сгущает кровь, заставляет сердце потухнуть...

Но есть у него и главное достоинство. Его надобно добавлять несколько недель, может, месяцев – и только тогда он возьмет свое. А ежели сам Михайла отпробует вина из царского кубка, ничего с ним не случится. Ну, сердце чуть быстрее зайдется – так это ж не страшно. Беда может случиться, только когда ежедневно принимаешь этот яд.

А царь, с легкой Михайлиной руки, так и поступает.

И поделом!

Нечего было моего отца... тварь худородная!

Кто такие Романовы рядом с нами? Выскочки, нищebroды, ничтожества...

Такого и убить не грех. Я ведь за отца...

* * *

Ян Собесский обходил лагерь.

Коронный гетман старался выматываться до такой степени, чтобы рухнуть в жесткую постель и забыться.

Думать не хотелось, но мысли злобно лезли в голову.

Любовь – это чудо?

Безусловно. Но когда ты понимаешь, что ты-то любишь, а вот тебя?.. Тут и начинается мучение. Иногда Ян желал стать угольщиком и жить в хижине, в лесу, лишь бы знать, что любят его. Не титул, не блестящего воина, а просто – человека. Яна...

Вот Ежи Володыевскому в этом повезло... Ян вспомнил, как Ежи вошел в Каменец после победы, как Бася стремительно бросилась к нему... она б и стену прошла не заметив, встань та стена на пути! И такое сияло у нее в глазах... ей-ей, так и Мадонна на сына, наверное, не смотрела. Всем было ясно, что для этих двоих друг без друга и жизни не будет.

А ему?

Марыся, как ты могла?! Травить беременную женщину!

А что потом?

Ян чувствовал себя премерзко, и даже предстоящая война этого не искупала. Хоть голову на ней сложи, право слово. Да вот и того нельзя. У него еще наследников нет – предки проклянут. А ведь его матери Марыся никогда не нравилась...

Он-то в нее влюбился, еще когда она семнадцатилетней выходила замуж за Замойского... по расчету, опять по расчету...

Да видел ли он когда истинное лицо своей жены?!

– О чем размышляете, пан?

Молоденький епископ Станислав, отправленный в этот поход Анджеем Краковским, смотрел сочувственно. Он-то знал причину – Ян исповедался ему, хотя и нельзя сказать, что почувствовал себя намного лучше.

Ответа не потребовалось, стоило только увидеть тоскливый взгляд. Епископ вздохнул, дружески положил руку на плечо пана, разгоняя зловещие тени, прогоняя тоску.

– Верьте, пан, иногда мы не знаем, что творим, но Господь наш в неизъяснимой мудрости своей ведает многое. Никогда он не сделает того, что будет чадам его во вред...

– И войны? И смерти?

– Нам не провидеть его мудрость. – Улыбка епископа стала вдруг лукавой. – Но скажу я так, что потомки наши, обозрев словно с высоты птичьего полета, деяния наши, и поймут, и не осудят. А пока взгляните – коли не напали б на нашу землю поганые нехристи – не было б и дружбы с русским царевичем. Бедой проверенной, ибо тогда и познается, кто друг тебе, а кто – простой приятель. И не пришли б мы на эту землю, чтобы освободить ее. А это дело весьма богоугодное...

– Так ведь многое оправдать можно, святой отец.

– Только Он никогда не ошибается, а мы грешны от рождения. – Мужчина пожал плечами. – Но сказано: не суди и не судим будешь. Так лучше оправдывать, чем судить. И лучше вести такие душеспасительные беседы у веселого огня с чаркой доброго вина, чем бродить в холодной темноте, приманивая тех, кого лучше не поминать к ночи.

На лице епископа расцвела лукавая улыбка – и Ян невольно улыбнулся в ответ. Да, рана болела, но если можно ненадолго забыть о ней... Грех не послушать умного человека!

– Да неужто вы, епископ, верите в нечисть?

– Как мне не верить, когда мы идем на земли, населенные нехристями?

Перебрасываясь шутками, мужчины направились к костру.

Ян не знал, что перед отъездом епископ имел серьезную беседу с королем – и полностью с ним соглашался.

Да, Ян Собеский – краса и гордость польского воинства и вообще польской земли. Но коли вот так жена его подставляет... может, она его и вовсе недостойна? И не следует ли заронить в разум мужчины сии мысли, дабы он не переживал так из-за современной Иезавели, которая собирается примерить на себя лавры то ли не тем помянутых Борджиа, то ли и вовсе – Медичи?

И епископ старался не за страх, а за совесть. Богоугодное же дело! Да и благодарность государя и государыни – не лишние, не так ли?

* * *

Темнота легла на землю. Ночь мягко скользила по степи, накрывая своим плащом и турок, и татар...

Ей хотелось успокоить всех живущих, убаюкать, нашептать что-нибудь хорошее...

В Азове ее намерения потерпели сокрушительный крах.

Около трех сотен человек двигались по подземному ходу. Предводительствовал им Воин Афанасьевич, которого царевич, несмотря ни на что, оставил в Азове. Шел под его предводительством и старший сын Григория – Михаил Ромодановский. А и то – уж двадцать лет парню, пора бы пороху понюхать.

Что планировалось в ночной вылазке?

Порадовать гостей.

Греческим огнем, который несли с собой. Острыми саблями. А еще...

Не просто так назначена была вылазка, ой не просто.

Прилетел голубь, закурылкал, а на голубе том было одно лишь слово.

Сегодня

Кораблям не так сложно было подняться по Дону.

Где будут располагать войско?

Да не так далеко от реки, иначе не набегашься!

Особенно при отравленных колодцах, при куче скота, при обозе...

Вот с воды их и накрыли.

Галиоты тем и хороши, что могут нести не только людей, но и пушки. Заряды их специальными картечными снарядами – и коси. К тому же часть пушек была заряжена специальными ядрами. Софья припомнила из прочитанного, что если на ядре выпилить рисунки и борозды, то оно будет лететь с воем.

Попробовали.

Оправдалось.

И четыре галиота в ночи накрыли весь татарско-турецкий лагерь огнем.

Зажигательные снаряды!

Картечь!

И на закуску – воюющие ядра!

И на берегу Дона воцарился АД.

Животные сходили с ума и носились в ночи, затаптывая всех, кто попал им под копыта. Людям приходилось не лучше. Обожженные, раненные, деморализованные...

Под огонь чудом не попал Селим-Гирей. Повезло, что его шатер стоял подальше от берега...

И тут с тыла ударили осажденные.

Сначала выстрелили из пищалей, потом пошли врукопашную – они-то и знали, и ждали, и все видели на фоне разгоравшихся пожаров, и сами поджигали, что на пути попало...

Рубили, резали, кололи...

Воин Афанасьевич внимательно следил за схваткой, оставаясь чуть в отдалении – и подавал команды трубачу. А как еще?

Как можно донести до всех приказ командира?

Только сигналом трубы. И громко, и турки с татарами не поймут.

Он отлично видел, как бежали деморализованные татары, как пытался собрать хоть какой-то ударный кулак Селим-Гирей, как опомнились турки...

Довольно!

– Труби!

В ночи разнесся сигнал отхода.

Опять-таки, непросто бежать обратно к подземному ходу. Каждый десяток знал, когда ему уходить. Кто после первого сигнала, кто после второго – еще не хватало давку устроить или врагов за собой привести! Нет уж, у них до последнего должно создаваться мнение, что их тут сейчас всех перережут. А потому отходить надо медленно и организованно.

– Второй сигнал!

Еще сотня скрывается в темноте, добывая всех, кто на пути попадется.

Они ведь шли по четкому маршруту, чтобы не сосредоточиться в одной части лагеря. Ни к чему.

– Третий...

У каждой сотни был свой противник, свое вооружение, своя задача, благо со стен Азова вражеский лагерь был отлично виден. И если планировалось шестой и седьмой десяток отправить к обозу – им были выданы зажигательные материалы. Смола в больших количествах, факелы...

А если кто-то нападал с той стороны, где стояла конница, – тут больше к душе бомбы, сабли... там жечь ничего не надо. Распугать скотину и убивать противника...

Сам Ордин-Нащокин отходил с последней сотней. И едва успел скрыться. Помогло то, что корабли прошли сначала одним бортом мимо лагеря и как следует его обстреляли, а потом стали уходить обратно вверх по течению – и обстреляли противника второй раз. Ну и какие тут преследования?

Спасти бы!

У подземного хода их встречал Ромодановский.

– Ну, молодцы! Такой красоты! Такой прелести!..

Найдя взглядом своего потрепанного сына, он вообще расцвел улыбкой и стиснул Воина Афанасьевича в объятиях.

– Спасибо!

– Одно дело делаем. А что там у поганых?

А у поганых было плохо. Боевой дух они потеряли раз и навсегда, тем более что его и изначально-то немного было...

Селим-Гирей пока еще удерживал своих людей от бегства, но... надолго ли?

Ромодановский готов был поспособствовать. И даже пинка для скорости добавить.

* * *

Любава встревоженно смотрела на мужа.

Что-то как-то он последнее время начал на сердце жаловаться, одышка мучила...

Сонюшке, что ли, отписать?

Лекаря хорошего нужно, Блюментрост вряд ли справится. Или срок пришел? Не дай Боже!

Мужа Любава искренне любила. Скорее, правда, как отца, чем как супруга, но уж как есть. А разве не за что?

Добрый, внимательный, заботливый, ласковый, на нее смотрит – аж светится, ну и сама Любава к нему привязалась. Странная, конечно, любовь, да уж какая есть.

У других эвон и того не бывает.

– Давит мне как-то, Любавушка, – пожаловался муж. Потер грудь напротив сердца.

Женщина хлопотала вокруг...

– Окошко распахнуть? Или лучше лампадку возжечь?

Но Алексей Михайлович молчал. И женщина с ужасом увидела, как бледнеет любимое лицо, как закатываются глаза...

– Лекаря!!!

Благо за дверью их покоев всегда были и слуги, и пара сенных девушек...

Слуга опрометью помчался к Блюментросту. Девушки же рванулись внутрь, осторожно оттеснили царицу, склонились к оседающему на кровать царю и хлопотали, как могли. Растегнули кафтан, уложили поудобнее, открыли окно, впуская в душноватую атмосферу сырой воздух...

Антонина пощупала пульс на шее государя.

– Неладно, Поля... ой, неладно...

Вторая девушка – тоже из Софьиных, состоящих при молодой царице неотлучно, в три смены – посмотрела встревоженными глазами.

– Ты у Ибрагима лучшей была... что неладно?

– Сердце... оно словно сдаться надумало.

Девушка без стеснения прижалась ухом к царской груди.

– Полька, беги! Со всех ног к нашим беги!!!

– Что говорить?

– Дура ты, что ли?! – рыкнула Антонина. – Я при государыне останусь, она ведь в тягости! А ты скажи девочкам, что с государем неладно, как бы к утру Алексей Алексеевич царем не стал.

– Он же... ой!

– Сообразила?

Дур у Софьи отродясь не водилось. А потому Полька подхватила подол и что есть мочи рванулась из горницы. Срочно! Гонцов!

К царевне-матушке, пусть знает, пусть приезжает!

К наставнице Лейле, а точнее, к ее супругу – Патрику Гордону. Мало ли что...

К Ордину-Нащокину...

К Феодосии Морозовой...

Пару переходов девушка одолела с лету, да наткнулась на парня.

– Далеко ли торопишься, красавица?

Михаил Юрьевич, а это был именно он, держал девушку на вытянутых руках.

– Пусти, боярин! – Поля сверкнула глазами, но куда там. И ведь не бить же его, бессмысленного! Не ведает он, что на кону стоит!

– За поцелуй выпущу...

– Пусти, боярин! Государю совсем плохо, лекарь нужен!

Выпустил. В лице изменился.

– Го-сударю плохо? Ну, беги...

И такая интонация у него была... как ни в раздрыгге чувств была сейчас Поля, а все ж тон его запомнила, но не оглянулась. Она потом все расскажет. А сейчас – важнее дела есть!

А пока добежала – и паниковать перестала.

Надо *работать*...

* * *

Патрик Гордон внимательно выслушал жену. И кивнул.

– Поеду я в полк. К тебе людей пришлю, человек с десяток, ежели что – они знают...

Лейла прикусила губу... неужели опять начнется?

Бунт, кровь, люди обезумевшие?

Но мужа поцеловала крепко.

– Береги себя, любимый...

Дети тоже подошли обнять отца. Старший, Иан, которого здесь звали Яшкой, посмотрел на отца:

– Пап, а можно мне с тобой?

– Сейчас пока нет. Но ты останешься защищать маму и младших, – обстоятельно разъяснил Патрик. – Вот, возьми...

В маленькие ручки лег совсем большой и настоящий кинжал. Яша вытянулся, сверкнул глазами:

– Клянусь!

А Патрик уже спешил в полк.

* * *

Афанасий Ордин-Нащокин выслушал девушку внимательно. И тут же закричал дворне. Собирайтесь, закладывать карету... он обязан быть в Кремле. Мало ли что...

Маша схватила боярина за рукав:

– Можно мне с вами, обратно?

– Там опасно может быть.

Афанасий и не думал отмахиваться от девчонки, понял уже, на что способны Софьины воспитанницы. И верно, из рукава Маши скользнул, проблеснул холодной сталью тонкий кинжал. Оружие убийцы, способное и скрыться в рукаве, и вонзиться под ребро, и перехватить горло. Равно опасное и в мужских – и в девичьих руках.

– Сейчас везде опасно. Я ведь все равно обратно.

Ну да. Ночью, по улице... как и сюда добежала, и ведь не убоялась? И обратно не испугается. Пусть ее тати боятся.

– Со мной поедешь. Где карета?!

* * *

Симеон не был бы до конца Симеоном, ежели бы не придумал, как дело повернуть. Война – это ведь всегда хорошо, вернется Алексей Алексеевич али нет – никому не известно. А потому и у трона должен быть настоящий князь!

А кто?

А Иван Андреевич Хованский. Древний род, еще от Гедимины ведет свою родословную... да и сам князь – что надо. В Литве отличился, со стрельцами общий язык нашел, полки за него в огонь и в воду – зато с государем общего языка не нашел, за что и был частенько руган.

А еще – глуп, болтлив, самонадеян, переругался со всей высшей знатью. И прозвище говорящее – Тараруй! Болтун, пустозвон... самое то, чтобы проредить кого надобно!

Первым делом, конечно, царицу с ее выродком! Ни к чему романовское семя оставлять!

А потом...

Руки старца сами собой сжались в кулаки.

Дьяково!

Вот откуда нечисть-то ползет! Вот где инакомыслие! Всех, всех уничтожить, растереть в порошок, забыть, как зовут!!!

Попомнят они свою спесь и глупость! Да поздно будет!!!

Старец просто не смог принять простую истину. Хоть и говорили ему, что за спиной Алексея никто не стоит, а советуется он разве что с царевной Софьей, но услышать – одно. А вот сердцем принять и поверить...

Ну, БАБА же!!!

Где уж ей чем-то командовать? Разве что цветочки вышивать!

Не знал старец, как генеральши командуют генералами, просто не подумал в силу своего опыта, что за спиной Алексея может стоять его сестра. Вот и не подослал убийц, не подумал, как ее нейтрализовать...

К чему?

С Хованским было уже переговорено, и не раз, а потому как только весточка прилетела из дворца от Долгорукова, так сразу и направился старец к Ивану Хованскому.

Пусть стрельцов поднимает, кричит, что Милославские царя убили!!! Самое то для толпы – от злого семени и следа не останется!

* * *

Софья даже не особо удивилась, когда по двери ее спальни загрохотали кулаки. Просто взлетела с кровати и откинула засов. И предстали перед ее глазами две девушки и молодой человек самого неприметного вида.

– Что случилось?

– Царь... кончается!

Молодой человек едва дышал, но был настроен решительно. Софья задохнулась, взялась рукой за горло.

Бунт?

На миг, лишь на единый миг она стала той взволнованной девчонкой, которая трепетала перед толпой... но это было давно!

Тогда ее спасли. Сейчас же...

Ей не пять лет!

А бунт... Не допущу! Костями лягу!!!

– Рассказывай. Ты кто, откуда... Девчонки, помогите сарафан натянуть! Да не тот летник, охотничий!

Софья метнулась за ширму. Парень свекольно побагровел, но приказ был ясен. И он принялся рассказывать.

Зовут его Андрейка, он на конюшне служит у государя, помощник конюха...

Как в гонцах оказался?

Нравится ему одна из служанок государыни, Полина. Красавица, умница, да и он ей, кажется, тоже по сердцу. А потому, когда прибежала она сегодня на конюшню и сказала, что он должен ехать в Дьяково, к царевне, повиновался тотчас. Знал – просто так она не попросит.

А не просто...

Просила она сказать, что царь-де совсем плох, что смерть в гости ожидать надобно с часу на час, что недоброе у нее предчувствие... что-то черное затевается...

Свел коня, так что теперь вся надежда на государыню...

Софья кивнула. Уж что-что, а отмазать мальчишку она – отмажет. К себе в Дьяково заберет, а коли не напрасно шум подняли девушки...

Глядишь, и конюхом станет при экспериментальном табуне.

– Ничего Полина передать мне не просила?

– Сказала, что иногда и в ночи малиновка поет. И все. А к чему то, государыня, и не понял я.

Зато Софья поняла. Такие фразы у них у всех были. Кодовые, заветные, и использовать их можно было в крайнем случае. Вот, как сейчас, показать, что взаправду все... Малиновкой они в школе Полю и прозвали – пела она звонко и чисто. И Поля знала: коли скажет она эти слова, царевна поймет. И придет.

– Звать тебя как?

– Андрейка. Воробей.

Софья кивнула, появляясь из-за ширмы. Что-то непривычное было в ее облике сейчас, но Андрей так и не понял – что? Да и откуда ему разбираться в дамских модах?

А просто сарафан под летником был очень просторный, не стесняющий никаких движений, и сам летник сшит так, что скинуть его Софья могла в единый миг. Рукава короткие, шелк тонкий, по подолу клинья вшиты, чтобы ноги свободно двигались, ни камней лишних, ничего.

Вроде бы и простое одеяние, но сам цвет какой...

Алый с золотом. Как царская одежда. На голову – венец. Простенький, но царевна ведь.

– Сонюшка!

Вбежала в светлицу царевна Анна. Софья посмотрела на нее остановившимися глазами:

– Тетя, кажется, царь кончается.

Тетка схватилась за горло, другой рукой вцепилась в дверной косяк. Софья подошла к ней, встряхнула:

– Не время! Тетя, найди мне пана Володыевского! Срочно!

Анна закивала и исчезла за дверью.

Софья вздохнула и принялась отдавать приказания. Может, и преждевременные, да ведь потом их уже не отдашь. Поздно будет.

Погрузить, привезти, отправить гонца... Срочно!

Пан Ежи долго ждать себя не заставил. Даже в двери стучать не стал.

– Государыня?..

– Ежи, – Софья тоже не церемонилась. – Государь, похоже, умирает. Выдвигай всех, кого можешь, к Москве, ежели бунт поднимется – идите к Кремлю. В бунтовщиков стрелять, давить их, на месте раскатывать, на заборах вешать – ты понял? И чем жестче, тем лучше. Потом все

спишется, Богом клянусь, никто тебя тронуть не посмеет. Но что такое бунт – ты сам знаешь. Никому не уцелеть, на месте школы пустошь останется...

Ежи кивнул.

– А ты, государыня?

– А я вперед поскачу.

– Одна?

– Двоих с собой возьму...

– Невместно сие!

– Плевать!

Софья и сама удивилась, как из нее это вылезло, ан, жива оказалась девчонка закалки девяностых.

– Ежи, бунт все спишет. А коли нет... Перед отцом я сама отвечу. Богом клянусь...

Пан Володыевский и сомневаться не подумал. Будь на месте Софьи кто иной – не пошел бы. Но царевну он уже успел оценить, еще как успел. Эта ни кричать, ни плакать не станет. А вот выстрелить в лицо может. В упор.

И сокрушаться не о жизни человеческой будет, а о том, что ей кровью платье заляпало. И все же не спросить еще раз не мог:

– Вы уверены, государыня?

И наткнулся на тяжелый взгляд темных глаз. Уверенность? Нет. Сама смерть.

– Я сейчас в Москву. Там разберемся. Ежели от меня кто – тебе зеленую ленту покажут и приказ передадут, остальным не верь.

– Хорошо, государыня.

Ежи сорвался с места. Софья тоже ждать не стала.

На конюшню! И пусть коня седлают!

Да, пусть и кое-как, но верхом она ездил. Умела – и сейчас продержится в седле, что бы ни случилось. Пусть по-мужски, пусть не подобает, но в карете она черт знает когда в Москву поспеет! Казаки уже седлали для царевны коня, еще пару для ее спутниц – не одной же ехать...

Через пять минут на дороге только пыль столбом взметнулась. Царевна, две девицы с ней да десяток казаков – все наметом скакали к Москве, загоняя коней.

То самое шестое чувство, не покидавшее Соню в лихие девяностые, било внутри набатом. Успеть!

Ус-петь, ус-петь...

Только бы успеть!!!

* * *

Любава сидела возле мужа, стискивая его холодную руку в своих горячих ладонях.

Неужели?

Как же теперь?..

Мысли скакали испуганными зайцами. Было страшно, тоскливо и очень больно. Неужели этот человек уходит?

Рядом мелькали чьи-то лица, кто-то что-то говорил... женщина сосредоточилась.

Блюментрост с таким лицом, что смотреть не хочется – тут и горе, и осознание своей беспомощности, и ожидание наказания.

А еще Лукиан Кириллов – спрашивает что-то... что?!

Не стоит ли государю чин принять?

Значит...

Любава закивала, как марионетка. И еще крепче вцепилась в родную ладонь.

Пока еще теплую...

Господи, не забирай его у меня!!!

* * *

Тем временем Иван Хованский вел свой полк к Москве. А на площади...

– Горе! Идет великое горе! Царь наш кончается, а кто на трон сядет!? Алешка, который с басурманами породнился?! Сестру за католика выдал?! Загубит он веру православную, как есть загубит!! Кукишем креститься будем!!!

Юродивый бесновался перед собором Василия Блаженного, плюя слюнями во все стороны. Собственно, не такой уж и юродивый, но надо же как-то «зажечь» толпу? Не бунтовать ведь силами одних стрельцов?

Хотя и у них шла похожая пропаганда, только там упиралось на то, что Алексей Михайлович древние обычаи чтит, а Алексей Алексеевич глуп и стрельцов обязательно разгонит. Потому как не ценит опору трона и не уважает.

Люди подтягивались, слушали...

Но ежели у стрельцов остановить крикуна было некому, то здесь...

Чавк!

Гнилая репа обладает неплохими поражающими свойствами.

– Да кого мы слушаем! Этот крикун раньше у Матвеева слугой был! – Голос был звонким и ясным. – Вот он языком своим царевича и поганит, изменник пакостный! Слово и дело государево!

Этого оказалось более чем достаточно. Народ начал расползаться, недовольно ворча. Но попасть под руки стрельцам никому не хотелось.

Стрельцы же сейчас были заняты.

Часть шла за Иваном Хованским, часть слушала и его сына Андрея, который обещал денег, вольности и славу. И уважение к стрелецким нуждам, а то как же!

Впрочем, не все.

Находились и те, кто по одному, по двое тихонько выходили из толпы – и растворялись в московских переулках. Не все забыли, что такое честь. И сейчас тихо шли туда, где царя не предавали. К полкам Гордона, за город.

* * *

Ежи Володыевский собирал людей. Свой отряд, да те, кто школу охраняет, да часть учеников, да часть учителей – вот и вышло порядка четырех сотен. Мало, да лучше, чем ничего.

– Мы сейчас идем к Москве. Ждать приказа царевны. С царем неладное что-то, как бы худого не умыслили, – говорил пан коротко и по делу.

А к чему рассусоливать?

– Ничего не бояться, если остановить попробуют – сразу не стрелять, только по моей команде.

Оговорка была серьезной. Уж чего другого, а пистолей в школе хватало. Ученики и тренировались с ними, а не с тяжеленными пищалями.

И выстрелить еще как могли!

– А коли на нас первыми нападут?

– Тогда все позволяю, – решил Ежи.

– Стойте! Мы с вами!

Царевны Анна и Татьяна решительно спускались с крыльца. Какие там приличия, какие там пологи...

Брат умирает!

За ними поспешал протопоп Аввакум.

Ежи посмотрел на них долгим взглядом. Запер бы где-нибудь, но не запретишь ведь? Хоть и не место царевнам там, где власть меняется!

– Возок заложен, – донеслось со стороны конюшни.

Царевны направились туда. Анна поглядела на пана:

– Пан Ежи, для нашей охраны дозволяем любые действия.

Ежи кивнул. Он так и собирался поступить. Пану здесь было вполне неплохо, уютно, и позволять кому-то все разрушить? Ну уж дудки! И вдруг, ухмыльнувшись, он вспомнил слова царевны Софьи.

Война все стихнет.

* * *

Для Любавы время остановилось. Шептал что-то духовник, причитал неподалеку Блюментрост... и только когда из уголка рта супруга потекла белая пена, а пальцы конвульсивно сжались, она очнулась.

– Алешенька!!!

Он уже не слушал и не видел.

Голубые глаза были широко распахнуты, но смотрели уже куда-то вдаль. За пределы покоев.

– Алешенька!!!

Любава закричала, забилась... кто знает, что бы она сделала, но ее мигом перехватили сильные руки верных девиц.

– Тихо, государыня! Ну-ка, глотните...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.